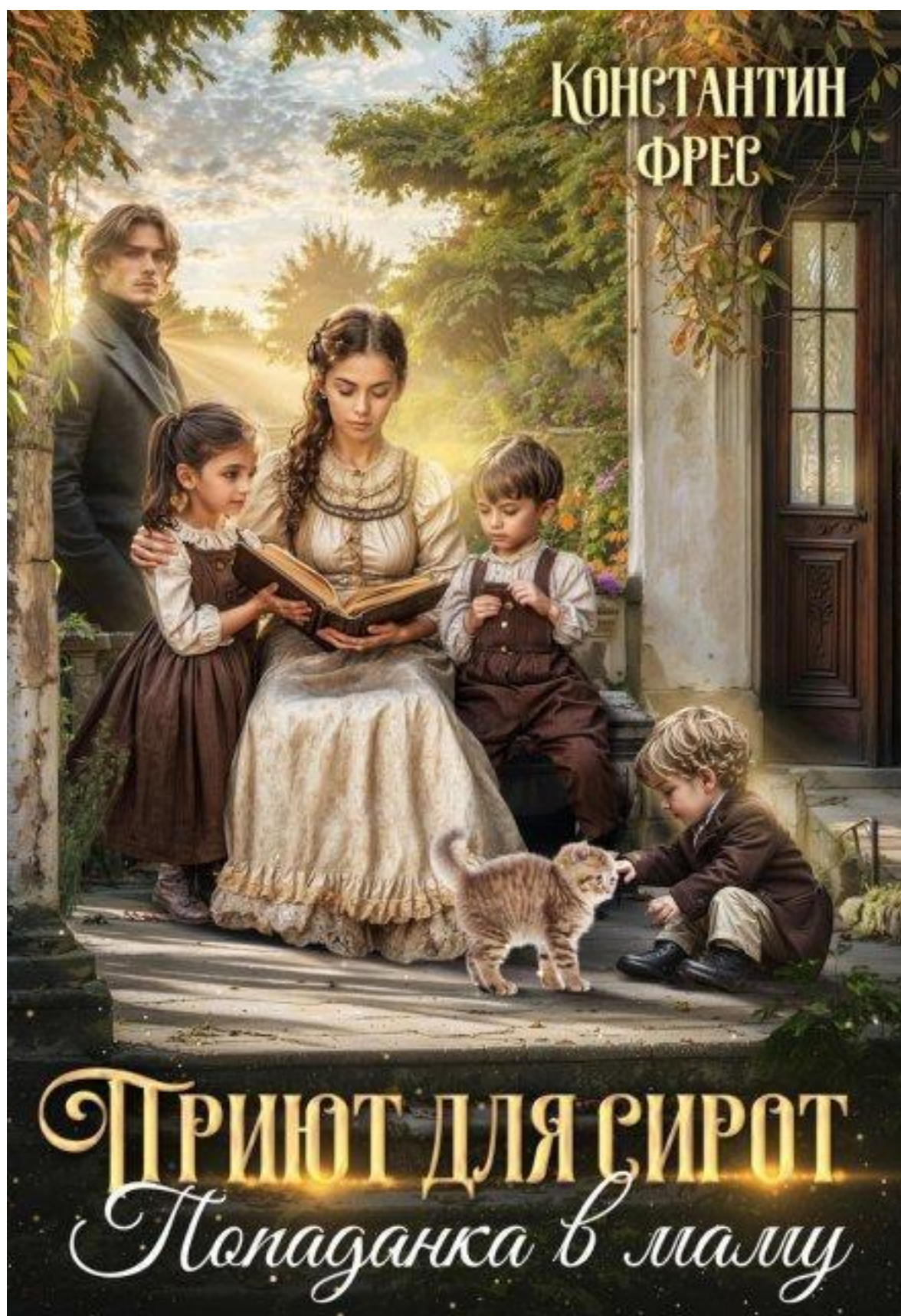

КОНСТАНТИН
ФРЕС

ПРИЮТ ДЛЯ СИРОТ
Попаданка в маму

Константин Фрес

**Приют для сирот.
Попаданка в маму**

«Литнет»

2024

Фрес К.

Приют для сирот. Попаданка в маму / К. Фрес — «Литнет», 2024

Я умерла и попала в другое тело. Теперь я не юная студентка, а молодая женщина в средневековом городке. Мой муж, содержатель приюта для детей сирот, растратил казенные деньги. Ему не прокормить столько ртов. И он решил избавиться и от нескольких воспитанников, и от меня разом. Он гонит нас прочь, а на улице скоро зима! И нет никого, кто смог бы нам помочь. Поэтому бороться и выживать придется нам самим. Воспитанники голодны, обижены и не доверяют мне. Так что мне придется постараться, чтобы завоевать их доверие и превратить нас в семью. И, вероятно, найти свое место и счастье в этом мире.

© Фрес К., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1. Кипящий котел	5
Глава 2. Ночлежка	11
Глава 3. Новая жизнь, начинающаяся с приключений	22
Глава 4. Новый приют Элис Кант	38
Глава 5. Обсидиановое зеркало	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1. Кипящий котел

— О, очухалась. Слава небесам! Мне тут только покойников не хватало! — раздалась суровая воркотня над моей головой.

Голова трещала, словно в ней с грохотом взрывались каменные ядра.

— Ну, хватит жалобить меня! Поднимайся и убирайся прочь!

От грубого тычка тяжелым носком сапога в бок я застонала.

Слезы сами полились у меня из глаз.

— Куда же мне идти? — прошептала я.

— Ну, не надо драмы, не надо! Ночлежек полно! Уж крышу над головой найти можно!

Хватит скулить! Поднимайся!

С трудом сажусь.

Муж мой, похотатывая, стоит надо мной.

На нем новые сапоги, новая зеленая бархатная жилетка и дорогие карманные часы с серебряной цепочкой.

Он весь приглаженный, нарядный, словно в его заведении сегодня праздник.

Наверное, так и было.

Когда избавляешься от лишнего хлама, дома всегда становится празднично. И дышать легче.

Только вот хлам этот — я.

И еще пара ребятишек повзрослее. Девочка и мальчик.

Темноглазые, остроносые.

Они смотрят исподлобья, колюче и враждебно.

Просто пара волчат затравленных.

Жмутся друг к другу, а в глазах страх. Растерянность.

Куда им пойти, где спрятаться от непогоды? Где и на что жить?

Да еще и этот кот...

За пазухой мальчика пищит котенок.

Бог ведает, откуда мальчишка его притащил и где прятал от строгого взора начальника приюта. Да только попался. Не смог утаить.

Крошечный зверек, верно, был так же голоден, как и его юный спаситель.

И выдал себя своим мяуканьем.

И это стоило мальчишке крыши над головой.

На деле — всего лишь предлог, чтоб прогнать малыша прочь.

— Ну, пошли, — брезгливо командует муж. — Нахлебники! Нарушители дисциплины! Думали, я вечно буду терпеть ваши выходки?!

Мальчишка гневно и гордо молчит. Только темные глаза сверкают.

Котенка он не выгнал. Не избавился, чтобы спасти себя.

Наоборот — спрятал под ветхую одежонку, где теплее. Прижал ближе к сердцу.

У меня в голове звенит от отчаяния и жалости.

Я-то отчетливо понимаю, что ждет этих двоих на улице в такую-то погоду. В снег, в ледяной дождь...

Сколько они протянут, день? Два?

— Сердца у вас нет! — выдыхаю я гневно. — Как можно обрекать на гибель невинных детей?!

— А что, я должен всех кормить? — ворчливо выкрикивает муж. — Котов, дранных собак, ленивых мальчишек? Весь приют, все хорошие и прилежные дети трудятся во благо друг другу! И только этот вечно тащит из подворотен заразных котов!

Дети, сидящие за столом в большой общей комнате, раздражаются смехом. Отвратительным грубым и злым смехом. Не как дети, а как взрослые злобные карлики... Они тоже нарядно одеты. В самые лучшие свои одежды. Их волосы причесаны, приглажены и блестят в скудном вечернем освещении золотом. Они терпеливо ждут ужина, сжимая ложки, и с ухмылками поглядывают на тех, кого муж гонит прочь.

Котел на печи пыхтит и кипит, распространяя вкусные запахи вареного мяса и овощей. Крышка его крепится на шарнире к самому котелку, и пристегивается к ручке замком, чтобы никто не смог открыть котел и попробовать варево.

Муж всегда так делал.

Он имел обыкновение обделять провинившихся в еде.

А чтоб они не наелись из общего котла, запирает суп, как самую большую драгоценность в этом доме.

Да, в принципе, так и было. Еда тут ценилась больше всего остального добра.

Я тоже голодна, и от этих запахов наворачивается слюна.

Но сытной похлебки нам троим сегодня не отведать.

И муж с утра задумал от нас избавиться!

Ведь котел, что стоит на печи, меньше чем тот, который я ставила обычно.

На ужин для нас уже никто не рассчитывал...

— Он тоже работает, — попыталась я заступиться за малыша.

Но голос мой дрожал и был слаб.

Муж только фыркнул насмешливо.

— Работает! — повторил он. — Ему неплохо было б поучиться работать у других!

И он указал на своих любимчиков, на золотоволосых ангелочков с синими большими глазами и с тонкими кудрями на головах.

Работой для детей муженек называл попрошайничество.

С тех пор, как он купил себе новый дом, денег в приюте стало катастрофически нехватать.

Чтобы поправить дела, он отправлял детей на улицы, побираться.

И это внезапно принесло свои плоды.

Свое содержание они отрабатывали. И проживание моего муженька в его новом особняке — тоже.

Я же жила в приюте, бок о бок с сиротами. Работала тут ну как прислуга, и ела с ними из одного котла. Иногда мне казалось, что я тоже сирота, которую из милости взяли в приют с улицы, а не жена хозяина.

— Вот кто трудится! — сварливо произнес муженек. — А эти двое нет! К тому же, они слишком взрослые. Девушке тринадцать лет! Она может найти себе работу, а не сидеть на моей шее. Вот и пусть о братце своем позаботится. Сразу, небось, поймет, каково это — кормить голодные рты.

— Не лгите и не смейте делать вид, что вы оскорблённая добродетель! За содержание этих детей платит король! Вы ни гроша не вкладываете...

— Замолчи, дрянь!

Хлесткая пощечина обжигает мне щеку, и я захлебываюсь своими словами.

— За твое содержание тоже платил король, — уничтожающе шипит муж, встряхивая брезгливо ушибленную руку. — Что, нравилось жрать задарма? Но вольготная жизнь кончилась! Платит, может, и король. Да только я решаю, кого кормить, а кого нет! И те из детей, кто приносит мне больше денег, заслуживают кусок пожирнее, чем вы, бесполезные обжоры!

Золотоволосые исчадия ада уткнулись носами в скатерть и так и покатались со смеху.

Да, это верно. Деткам с ангельскими личиками подавали больше.

Но ни для кого в приюте не секрет, что у этих двоих, с их-то ангельскими личиками, еще и липкие пальчики.

Они были ловкими карманниками, несмотря на свою невинную юность.

И приносили многое, включая и дорогие часы, которые муженек носил теперь с гордостью на серебряной цепи на пузе.

— Ты не можешь их выгнать! — выдохнула яростно я.

— Не могу? А кто мне помешает? — он жирно захохотал, колышась всем своим тяжелым, сытым телом. — Может быть, ты, женушка? Так ты тоже отправишься на улицу, вслед за этими обормотами! Будешь следить, чтоб они не пропали, а-ха-ха-ха!

Он захохотал, и его демонята вторили ему.

Ужасное зрелище!

Такие маленькие. А жестокое сердце в них воспитано уже в полной мере.

И вряд ли что-то сможет это изменить.

— Прочь, — жестоко повторил он, кинув мне в лицо какую-то ветхую одежонку. Понятно, что совсем без одежды выгнать не мог.

С криком я рванула к столу.

Голодная и слабая, ухватила каравай, прижала к себе.

Дрожащей рукой нащупала нож, ткнула им в сторону мужа, шагнувшего ко мне.

— Совсем ум потеряла?! — вскричал гневно он, остановившись, как вкопанный. — Отнимаешь у детей их хлеб?!

— Это ты отнимаешь у нас жизнь! — рыкнула я, снова ткнув в сторону мужа ножом. — Не подходи! Мне терять нечего! Я и так к утру рискую помереть! Так что без зазрения совести отправлю тебя первым насладиться райскими садами!

Муж скривил физиономию.

— Черт с тобой, — ругнулся он. — Бери хлеб и убирайся!

Я в отчаянии отступила назад.

Хлеб нас не спасет.

Но хотелось хотя б иметь надежду выжить!

— Держи!

Я сунула каравай в руки девочке и подтолкнула к дверям мальчика.

А сама продолжала целить ножом в сторону мужа.

Он, конечно, разрешил идти, но верить ему было нельзя.

Мог накинуться и отнять последнюю еду.

Еще и тумачков надавать напоследок.

Хороша я буду на улице со сломанными ребрами!

Муж следил за мной недобрым взглядом.

— Все равно далеко тебе не уйти, — зло сказал он. — Я пойду в полицию и скажу, что ты меня ограбила.

— Иди, — зло рассмеялась я. — Там тебя уже ждут... с твоими ворованными часами!

Он даже в лице переменился.

— Ты не посмеешь, — слабо вякнул он. — Не скажешь.

— Да? А что мне помешает?

Я снова ткнула в его сторону ножом для острастки и отступила за дверь.

Дети, которых мой муженек выгнал, уже спустились вниз по лестнице в темный и холодный холл. И я торопливо последовала за ними, по пути натягивая ветхое тонкое пальто.

Самая дурная защита от холода и непогоды.

Но уж какая есть!

Не знаю, почему я за ними последовала.

Не знаю, зачем мне вообще нужны были эти дети.

Они-то ко мне не липли, и защиты и помощи у меня просить не спешили.

Но я чувствовала себя так, словно обязана была помочь им. Спасти, защитить.

Так, словно я их мать.

В холле мне встретила Ганна, старая прислужница.

Старуха злая, жадная, вороватая и ленивая.

Случалось, она и меня гоняла метлой. Как только почуяла, что мой муженек за меня заступаться не станет.

Ох, и натерпелась я от нее!

Злые языки говорят, что она мать моего муженька. Вроде как бросила его, совсем маленького, в приюте, а потом с трудом нашла. Но он, хлебнув несладкой сиротской доли, с ней родниться уж не стал.

Так и держал ее в роли служанки.

Но она-то себя считала хозяйкой всех его богатств. И на его любовь ей было плевать. Были бы деньги!

Ганна несла корзину, укутанную толстой серой шалью, с рынка.

Продуктов в ней было совсем немного.

Может, бутылка молока, кулек муки, несколько яиц да кусок сала. Я точно не знала.

Где-то внизу, под покупками, булькала небольшая бутылка зеленого стекла. В ней Ганна носила вино. Покупала себе чуток за счет моего муженька, чтоб немного согреться холодной ночью.

Сейчас эта корзинка была мне очень кстати.

Я вихрем налетела на старуху и вцепилась в ручку корзины.

— А ну, дай сюда! — рычала я.

Ганна охнула. Сначала она испугалась моего нападения, да еще и блеск ножа ее перепугал до смерти.

Но, разглядев мое лицо, она стряхнула испуг и крепко впиалась узловатыми пальцами в плетеную ручку корзины.

— Дрянная девчонка! — завопила она. — Потаскушка! Руки прочь от добра хозяина!

— Я его жена, — рычала я, дергая корзину к себе, — а значит, это и мое добро!

— Ты просто дешевая потаскуха! — орала старуха. — Он из милости тебя подобрал на помойке! Так что не воображай из себя госпожу!

Старуха изловчилась и треснула меня своей клюкой.

Удар вышел не сильный, но чувствительный.

Увидев, как я болезненно морщусь, старуха радостно захохотала и перехватила костыль поудобнее.

— Безродная! — клекотала она. — Никчемная дешевя шлюшка! Что, выгнал он тебя? Туда тебе и дорога! Сдохнешь к утру! Сдохнешь!

И она радостно огрела меня костылем еще раз. Плечо мое тотчас налилось пульсирующей болью. Утром, наверное, на месте удара будет синяк.

От ее гнусной радости у меня в глазах потемнело.

Что плохого я ей сделала? Ничего!

Работала молча, исполняла все приказы, как мужа, так и ее.

Стирала на весь приют, чистила, скоблила, мыла.

Выходит, и эта старуха решила, что я хуже сироты-приемыша?

— Дрянь!

Старуха еще раз замахнулась, но ударить не успела.

Я с рычанием вырвала корзину из ее рук. Сунула туда свой нож, чтоб не дай бог не пырнуть кого, в самом деле.

С силой, несвойственной мне, ухватила ее костыль, и после недолгой схватки вырвала его из старушачьих рук.

— Ты что, ты что, — квохтала старуха, оставшись без оружия. — Да как ты посмела!

Она вдруг живо и ловко метнулась к камину.

Совком загребла там рдеющие угли.

И я едва успела увернуться — угли полетели мне прямо в лицо.

Достигни они цели, и я была б обезображена, если не ослеплена.

Но старуха промахнулась, и угли раскатились по полу, рассыпаясь алыми искрами.

— Дрянь какая! — зло выдохнула старуха. — Подлая дрянь...

Больше терпеть ее издевательства я не собиралась.

Подскочив к ней, я с разворота влепила ей сокрушительную пощечину, и старуха с воем упала на пол.

— Убили-и-и... — ныла она, ворочаясь на полу, как каракатица.

Она думала, что ее жалобное нытье меня остановит.

Но в меня словно бес вселился.

Я подскочила к ней, ухватила за ворот и как следует встряхнула ее.

— Отдавай деньги! — выкрикнула я. — Я знаю, муж давал тебе много! Ты не могла потратить все!

— Истинно говорю, — залепетала старуха жалобным голоском. — Все истратила, все. Знаешь, какие нынче цены? Знаешь?

Я была словно заморожена ее лепетанием.

А когда опомнилась, ее узловатые пальцы уже впились в мои волосы.

И старуха больше не ныла.

Она радостно хохотала, разевая свой беззубый рот.

— Попалась! — орала она, наворачивая на кулаки мои волосы и причиняя мне боль. — Я ее поймала! Я схватила эту суку! Эй, идите сюда! Да палки прихватите потяжелее! Давно мечтала переломать ей ноги! Мерзкая шлюха... да я тебе глаза вырву!

Ни слова не говоря, я кулаком изо всех сил ударила в ненавистное старое лицо.

Потом еще и еще, пока старуха не замолчала, плюясь кровью.

Кажется, я сломала ей нос.

Но и деньги вытрясла.

Кошелек из тертого алого бархата вывалился у нее из-за пазухи, когда я колотила ее.

Кое-как освободив свои волосы от ее костлявых рук, я оттолкнула избитую старуху от себя и схватила кошелек с пола.

Наподдала старухе пинка, чтоб та не так скоро оправилась и поднялась, и схватила корзину.

Уже на бегу застегнула пальто и вывалилась из дома в мрак и холод, вслед за ушедшими детьми.

Они далеко не ушли, маленькие, слабые, одинокие.

В тумане хорошо были видны их тощенькие фигурки.

И слышен писк голодного котенка.

Почти бегом я их настигла, с трудом волоча тяжелую корзину.

Сорвав с корзины шерстяную толстую шаль, я набросила ее на плечи замерзающей девочки.

Мальчишку с котенком притянула к себе и накинула на него полу своего пальто.

Конечно, оно было очень тонким, и почти не грело. Но вдвоем под этим пальто определенно было теплее.

— Дай ему кусок хлеба, — распорядилась я, оторвав горбушку от похищенного каравая. Плач котенка становился невыносимым. Это крохотное существо словно молило меня спасти его, не дать ему умереть. И я мысленно обещала, что так и будет! — Он наестся и заснет.

Котенок за пазухой мальчишки, унюхав хлеб, зарычал, как маленький хищник.

И тотчас приступил к еде, завывая и шипя.

— Куда мы теперь? — слабеньким голосом спросила девочка, кутаясь в шаль и дыханием грея озябшие красные ладони.

— В одну ночлежку, — сказала я. — Я знаю одну.

— В ночлежке потребуют заплатить за ночь, — угрюмо произнес мальчик.

— У меня есть, — ответила я. — Все устроится! Ну, идем!

И мы вдвоем поспешно нырнули в холодный осенний туман, скрываясь от возможного преследования.

Глава 2. Ночлежка

Эту ночлежку я выбрала потому, что там брали совсем небольшую плату за право погреться у огня и провести ночь под крышей.

Она была почти на другом конце города. Но так было даже лучше. Там нас найти будет труднее.

А в том, что нас будут искать, я не сомневалась.

Получившая по заслугам старуха мне не простит побоев. И похищения ее бутылки с вином.

Да и муженек может подгадить.

Подослать кого-нибудь.

Так что лучше бежать как можно дальше...

Но вместо ожидаемого тепла и крова мы в конце нашего путешествия нашли лишь пустой дом, глядящий растерянно темными пустыми окнами.

— Никого! — в отчаянии выкрикнула девочка.

Она явно устала, замерзла и была голодна.

Идти искать новый приют?

Кажется, эта мысль доводила ее до слез.

Так велика была ее усталость.

— Нет, — ответила я ее не озвученным мыслям. — Не пойдем никуда. Зайдем сюда и попробуем согреться. Дом, конечно, пустой. Но по крайней мере, с нас никто платы не возьмет!

Внутри дома было темно, тихо и чуточку теплее.

Потому что холодный ветер не пронизывал нас. Стены немного защищали от стужи.

Почему покинули эту ночлежку? Видно, разорились хозяева.

Из дома, конечно, вывезли все, что можно.

Но сохранились топчаны, на которых спали люди. Поломанные табуреты. Покосившийся стол.

Ужасные пыльные одеяла, слежавшиеся и смерзшиеся.

Дети едва не рыдали, замерзшие и уставшие.

Мальчику было легче. Заснувший у него за пазухой котенок хот немного его согревал.

Девочке было хуже.

— Ничего-ничего! — ободряюще произнесла я, подтаскивая к давно остывшей железной печке на гнутых ножках топчан. — Сейчас согреемся!

Я усадила детей на деревянную постель, увязала их шалью. Стащила свое пальто и укрыла их сверху. Они сидели, прижавшись друг к другу и тряслись, как два зайца.

И смотрели на меня глазами, полными страха.

— Ничего-о-о, — повторила я, хотя от холода у меня зуб на зуб не попадал. — Сейчас-сейчас...

Я безжалостно разломала табурет. Разбила его, несколько раз кинув об пол.

Натолкала полную печку обломков и разожгла огонь.

Это удалось мне не сразу.

Табурет дымил, коптил. Я кашляла, толкала мелкие щепки в слабенький огонек, дула, поднимая тучи старого пепла.

И, наконец, раздула пламя.

Озябшие ребятишки потянули к огню руки, зашевелились оживленно.

А я стащила с их ног раскисшие мокрые башмаки и поставила прямо на железную печурку.

Боги, бедные дети! Как они шли в этой обуви по осенней стуже?

От осенних луж промокшая насквозь кожа обуви стала холодной, жесткой и грубой. Кое-где подошва отходила, и, наверное, из дыр выглядывали пальцы.

Да еще и чулки...

Одно название!

Можно сказать, что ребятишки шли в мокрых башмаках на босу ногу — такие ветхие и рванные чулки на них были!

Я раздобыла еще пару сломанных табуреток и тоже их расколотила, затолкала обломки в печурку.

От усилий и от жара, нагретого железную печку, мне стало теплее.

Я насобираала брошенных одеял, штук пять.

Выколотила их как следует, и набросила на печь, сушиться.

Время от времени я их переворачивала, и тогда от раскалившейся печи жар волнами шел по комнате.

— Ну, все не так уж плохо, — заметила я, справившись с печью. — Неплохо было бы перекусить.

— В приюте сейчас едят суп, — тихо проговорила девочка.

— Нам все равно достались бы одни объедки, — сердито ответил мальчик. — Может, дали бы облизать котел. И только.

— Ну, свои объедки они пусть едят сами, — бодро сказала я. — У нас есть молоко хлеб и сало. Этого вполне хватит чтобы немного подкрепиться.

Я кое-как нарезала хлеб. Уложила на длинные белые ломти тонко нарезанное сало, пахнущее дымком, с красной прослойкой вкусного мяса, и раздала бутерброды детям.

Они тотчас с жадностью набросились на еду.

Учуяв запах еды, проснулся и оголтелый хищник за пазухой у мальчишки.

Его спасенный котенок.

С воем и рычанием зверек вылез из-под одежды мальчугана и впился в хлеб, прихватив кусок сала.

Мальчик не стал прогонять котенка, отдал малышу его добычу.

И тот с голодным урчанием принялся жевать кусок сала.

Себе я тоже сделала бутерброд и уселась рядом с детьми на деревянную лежанку, перекусить.

— Зачем ты возишься с нами? — вдруг спросил мальчишка.

Я глянула на него.

Мальчик явно с характером. Ершистый, колючий.

Как и многие неугодные приютские, он голодал и получал побоев намного больше, чем заслуживал.

Но это не истребило в нем доброго сердца. Не погасило любви, вложенной в его душу создателем.

Он по-прежнему был силен настолько, что заботился о тех, кто слабее его.

— А зачем ты возишься с этим котенком? — ответила я вопросом на вопрос.

Мальчишка сверкнул темными глазами исподлобья.

— Котенка я спас! Не мог позволить ему умереть на улице!

— Вот и я не могу.

— Что-то раньше ты не отличалась особым вниманием к нам, — язвительно заметил мальчишка. — Не заступалась за нас перед своим мужем! И уж совершенно точно не рвалась нас спасать, пока он и тебя не вышвырнул вон!

И это была горькая правда.

Я глянула на огонь, чтобы спрятать взгляд и свои слезы от этого маленького обиженного и озлобленного человека.

Поверит ли он мне, если скажу ему свою правду?

Да в целом мире кто поверит? Никто.

Только я не та Лотти, которую этот мальчишка знал.

Забитая молоденькая жена хозяина приюта, которую он подобрал в ночлежке, давно покинула этот мир.

А ее место заняла я.

Не самый плохой вариант для человека, который не собирался умирать, и все-таки нечаянно умер.

Но и не самый хороший.

— Разве я хоть раз обидела тебя, Алан? — тихо спросила я. — Почему ты так зол на меня? Я жила с тобой под одной крышей, работала для тебя, ела из одного котла...

— И никогда не заступалась за нас перед своим мужем! — яростно воскликнул мальчишка.

Ясно.

Просто так прощать меня и подпускать к себе он не собирается.

— Сегодня же вступилась, — напомнила я ему.

Он снова фыркнул.

— Потому что почувяла, что одна пропадешь! Мы-то заработаем себе на кусок хлеба. А вот ты... притворилась добренькой, чтоб к нам подлизаться?

Однако, какая самоуверенность! И сколько горькой, ядовитой боли в его словах!

— Была бы добра, какой хочешь казаться, так всегда б о нас заботилась. А ты этого не делала! Почему?

Он помнил все обиды, нанесенные ему хозяином приюта, и винил меня в том, что в свое время я его не защитила.

Теперь моя опека казалась ему фальшивой, не настоящей.

Это как замаливать грехи перед смертью.

Поздно и неискренне.

Странно. Этот мальчишка сейчас казался мне сильным, почти как взрослый человек. И он подавлял меня своим превосходством.

— Мне было страшно, — просто ответила я. — Я боялась.

— Боялась? — насмешливо произнес он. — Чего?

— Того же, чего и все боятся: побоев, — ответила я. — Боли и немилости у хозяина.

Мальчишка насмешливо фыркнул.

— Глупости! — ответил он. — Большие, я имею в виду взрослые, не должны бояться ничего!

— Отчего же? — удивилась я. — Взрослые тоже чувствуют боль. И им тоже ведом страх. Даже самые храбрые из взрослых боятся. Это обычное чувство. Оно ведомо всем. Сколько тебе лет?

— Девять, — насмешливо фыркнул мальчишка.

— А мне только девятнадцать, — ответила я. — Я немногим тебя старше. И не такая уж взрослая.

Мальчишка больше не сказал ничего.

Под моим пальто, в жарком густом тепле от железной печи детей разморило, и они, насытившись, начали клевать носом.

Я подтащила к печке ближе еще один топчан.

Натолкала в печь деревянных обломков так плотно, что огонь еле проблескивал между деревянными обломками.

Пару одеял я накинула на засыпающих детей.

Их одежда, шаль, мое пальто и эти одеяла — им должно быть тепло до утра.

Три нагретых на печи одеяла я забрала себе.

Завернувшись в них, как бабочка в кокон, я легла на жесткий топчан и почти тотчас провалилась в сон.

Утро встретило меня холодом.

За ночь прогорели дрова в железной печурке, ветер сквозь щели в заколоченных ставнях выдул остатки тепла.

Три одеяла — это ужасно мало, когда дело касается холода.

Подвывая от мороза, щиплющего меня за бока, я снова пособирала все, что можно было сжечь.

Деревянные обломки мебели, доски, которыми заколачивали окна.

Все это я накидала в печку и кое-как развела огонь.

Спичек у меня было мало. Коробка, что завалялась в кармане моего пальто, была почти пуста. Осталось всего три спички. Надо беречь... и при случае, прикупить еще спичек.

— Если останемся без огня, погибнем вернее, чем от голода или жажды, — пробормотала я.

Дети по-прежнему спали, зарывшись под тряпки и тесно прижавшись друг к другу.

Между их бледными мордашками торчала мордочка кота.

В отличие от детей, кот выглядел весьма довольным жизнью.

Его полосатое пузко было набито едой под завязку, ему было тепло. А что еще коту для счастья нужно?

Человеку нужно для счастья намного больше.

Когда огонь разгорелся, а печка раскалилась докрасна, я огляделась кругом.

Ну и вертеп...

Ночлежка итак не королевские апартаменты, а давно заброшенная и вовсе похожа на медвежью берлогу. Только вот в берлоге теплее!

На первое время нам придется жить тут.

Может, совсем недолго. А может, и несколько месяцев.

Эта мысль меня пугала.

Серые обшарпанные закопченные стены, черный пол, заколоченные окна... Да тут даже крысы не жили, потому что было ужасно холодно и нечего есть!

Тараканы с клопами и те сбежали...

Значит, ночлежку бросили уже давно.

Это не место для счастливой жизни!

Поэтому надо бы привести его в порядок хоть немного.

В скудном свете пылающего в печи огня я отыскала на полу брошенный старый фонарь.

Масла в нем было чуть; но с фонарем в комнате стало намного светлее.

Старой полулысой метлой я кое-как вымела мусор из комнаты.

Притом деревянные обломки и все, что можно было сжечь, я складывала у печи. И безжалостно отправляла в огонь, как только в печи образовывалось местечко.

Собрать мусор, аккуратно расставить топчаны и целые табуреты — это все, что я могла пока что сделать.

Но даже с этой небольшой уборкой комната стала выглядеть приличнее и чище. И как будто бы больше.

Пока я возилась с уборкой, проснулись дети.

Это был первый их выходной день, когда не надо было подниматься, чуть свет, и идти по холоду и дождю на улицу — попрошайничать для ненасытного хозяина приюта.

Поэтому они не спешили покидать свою постель. Кутались в одеяла плотнее и смотрели полусонными глазами на то, как я привожу в порядок помещение.

Директор бы давно вытащил их из постели, да пинками погнал бы прочь. Без завтрака, в худых ботинках...

Как бишь его звали?

С трудом разогнув натруженную спину, смахнув с лица прядь волос, я с изумлением поняла, что имя мужа не помню.

Господин директор — так он велел себя называть.

Даже мне, его жене.

Хотя женился он на мне скорее для пользы дела, чем из каких бы то ни было чувств.

Приют скорее позволят возглавить женщине, чем мужчине.

Еще лучше, если приютом будет заниматься семейная пара.

Поэтому господин директор — кажется, имя его Гаспар! — отыскал меня.

Точнее, юную девицу Лотти, в одной из ночлежек.

Лотти была юна, свежа, еще не побита и не изуродована тяжелой жизнью.

Богато одетый господин в суконном костюме, при шляпе и в чистых ботинках показался ей, наверное, пределом мечтаний.

Такой важный и гладкий, собрался на ней жениться!

Конечно, юная дуручка согласилась... Думала, переедет в светлый теплый дом из трущоб.

Как глупа она была!

Впрочем, не знаю, как поступила бы я, помыкавшись по холодным грязным ночлежкам с ее...

Мои мысли причудливо переплетались с ее мыслями. С мыслями маленькой тихой забитой Лотти.

И мне было ужасно жаль ее. Погасший невинный огонек.

Отчего она умерла?

Тихо, во сне, никого не потревожив болезнью или стонами.

Мне кажется, у нее сердце разорвалось от горя.

Она так надеялась на то, что найдет свое теплое местечко в том мире!

Она так хотела, чтоб ее любили!

Но муж, использовав право брачной ночи, оттолкнул ее.

Сделал служанкой, почти рабыней.

Дети в приюте тоже ее не приняли.

Это были либо гадкие, испорченные любимчики директора, жестокие плуты, воры и пройдохи. Либо забитые и обиженные огрызающиеся, как волчата.

И нежная Лотти не вынесла жестокости этого мира.

А ее место по какой-то нелепой случайности заняла я...

Самое смешное, что я, в своей прежней жизни, тоже хотела воспитывать детей. И даже поступила в педагогический.

И не так, ох, не так мне представлялась моя педагогическая карьера!

Послушные дети, просторный класс, арифметика и поделки из желудей...

Но никак не озлобленные голодные оборванцы, которые и говорить-то со мной не желают.

— Мы что, будем здесь жить? — подала голос девочка.

Она смотрела на комнату испуганными глазами.

Озиралась так, словно в каждом углу сидело по призраку.

Кажется, ее подобрали в такой вот ночлежке, когда ее родители то ли сгинули, то ли просто ушли, оставив ее на произвол судьбы.

Поэтому она боится таких мест.

— Недолго, — солгала я ей. — На первое время. Потом подыщем себе что-то более подходящее.

Щеки девочки как-то подозрительно горели.

Я бы подумала, что она раскраснелась ото сна, если б не мальчишка рядом.
Он-то был по-прежнему бледненьким. А у него за пазухой дополнительна грелка, кот!
Заболела? Только этого мне не хватало!

**

— Дитя мое, почему ты дрожишь? Тебе холодно?

Девочка поникла.

Когда в приюте кто-то заболел, директор без всякой жалости отправлял несчастного работать по дому.

И порой эта работа была тяжелее, чем на улице.

Таскать воду, мыть полы, стирать белье.

— Все должны трудиться! — назидательно говорил он. — Труд облагораживает и лечит. Делает чище душу и крепче тело!

Надо ли говорить, что от такого лечения несчастный сваливался в самое ближайшее время, после чего его определяли в карантин?

...Из карантина мало кто возвращался.

Только самые крепкие.

— Знобит немного, — тихо сказала девочка. — Это пройдет скоро. Я совершенно здорова и могу работать!

— Работать? — переспросила я, коснувшись ее щеки. — Боже, да ты вся горишь!

— Лоранс не будет убирать этот хлев! — ершисто влез мальчишка. — Ты не посмеешь ее заставить! А еду... я пойду и заработаю на нас двоих! Я сильный! Лоранс, позаботься о Пушке. Я скоро вернусь.

— Стоять! — грозно крикнула я, и мальчишка замер с башмаком в руках. — Никто и никуда не пойдет без моего разрешения!

— Ты мне не мать! — выкрикнул мальчишка. — Ты мне вообще никто! И слушаться я тебя не обязан!

Эти слова словно ножом по сердцу полоснули.

Никто, да. Это верно.

Только у этого «никого» душа разрывается, глядя на две маленькие детские жизни. Невыносимо больно думать, что с ними что-то случиться может.

И смотреть, как девочка погибает, тоже.

А еще больнее получать грубость в ответ на желание позаботиться. Спаси.

Мальчишка отчаянно сопротивлялся, не подпускал меня к себе. Он отвергал меня. Словно в душу глядел, понимал, что для меня страшит одиночество.

Их двое; они есть друг у друга, Алан и Лоранс. Им есть с кем поговорить, кому пожаловаться. Есть тот, кто поддержит и позаботится.

У меня нет.

Я пыталась прижаться к этим детям и у них обрести хоть немного душевного тепла. Хоть капельку дружеского участия и поддержки.

Но и этого мне было не дано.

Я проглотила щекочущие нос слезы. Сжала сурово губы, чтоб этот ершистый злой мальчишка не заметил, как они дрожат.

— Иногда можно и послушаться, если хочешь, чтобы она поправилась! — я встряхнула кошелем у него над головой. — Лоранс сейчас разденется и ляжет в постель. Я напою ее горячим молоком с бренди, и пойду за лекарством. А ты будешь смотреть за ней, и поддерживать огонь в печи, чтоб Лоранс не замерзла. Ясно? Так ты ей больше пользы принесешь.

Мальчишка смолчал; только зыркнул недобрым взглядом исподлобья.

Разогреть молоко было то еще испытание.

Я следила, чтоб глиняный горшок не лопнул, иначе мы б остались и без единственной посуды, и без молока.

Но обошлось.

Из бутылки старухи, так удачно отвоеванной вчера, я дала Лоранс отпить глоток, и тотчас же велела выпить молока.

Девочка покорилась, хотя видно было, что она пьет через силу.

Потом я постелила ей постель, кое-как приспособив одеяла.

Лоранс разделась, стащила свое пальто, в котором спала всю ночь, ветхое платье, и я как следует осмотрела ее.

— Нет ни сыпи, ни каких-то других признаков опасной болезни. Похоже, ты всего лишь простыла, — как можно бодрее сказала я. — А это лечится. Ничего страшного! Пару-тройку дней полежишь, и будешь как огурчик. Ну, полезай в кровать!

Она с готовностью послушалась меня, и я накрыла ее одеялами и укутала ее шалью как следует.

Она вся горела.

— Алан, — позвала я мальчишку. Знала, что не ответит, но мне его ответ и не нужен. Главное, чтоб услышал меня. — Здесь немного продуктов. Поешь и накорми своего кота. И следи за Лоранс. Я скоро приду.

— А если нет? — вдруг спросил он.

Я с удивлением обернулась к нему.

— Что значит нет? — спросила я.

— Тут помойка, — вызываяще ответил мальчишка. — И пахнет дурно. Деньги у тебя есть. Значит, ты можешь найти место получше.

Лоранс из-под одеял смотрела испуганно.

Наверное, она бы заплакала, но из-за жара все слезы ее высохли.

Бедняжка, больная, беспомощная... Она до ужаса боится, что я брошу их.

Ее.

И она умрет в этом заброшенном доме, как когда-то ее родители.

— Эй! — рассердилась я. — Я же сказала, что не брошу вас! Прекрати пугать Лоранс! Просто схожу и куплю лекарств и кое-чего нужного нам, только и всего.

И я решительно вышла вон.

...А лекарства нынче были дороги.

Бутылка микстуры от жара стоила как четыре буханки хлеба.

И в нашем положении лучше б никто не болел.

Но выбирать мне не приходилось.

В кошельке, отобранном у старухи, было пять серебряных монет — целое состояние! — и горсть медяков.

Вспомнив о ветхой обуви моих подопечных, я прикидывала и так, и этак, могу ли я купить им по паре башмаков.

По сему выходило, что не могу.

Уж больно мало денег, и слишком дорогая обувь.

Нет, купить-то можно было.

Но потом на что жить?

— Лучше комнату снять! — осенило меня. — И тут же устроиться на работу. Хоть бы горничной... Или гувернанткой...

Но вот вопрос, возьмут ли девушку с улицы в услужение?

Рекомендаций у меня нет.

А муженек и его битая мамаша, поди, ищут меня...

С такими невеселыми мыслями я явилась в аптеку, за лекарством.

— Чего изволите? — аптекарь был не очень-то приветлив.

Верно, думал, что я начну попрошайничать.

Но я раздобыла несколько монет и выложила их на прилавок.

— Микстуру от простуды, будьте добры, — как можно спокойнее проговорила я. — И микстуру для снятия жара.

— Вы щедры, благодарю, — проворчал аптекарь. — Хвораете сами? Муж?

— Дочь, — ответила я. — Тринадцати лет.

— Совсем взрослая, — хмыкнул аптекарь, гремя склянками. На мою юность он как-то внимания не обратил. И вопросов лишних задавать не стал. — Да, когда в твоём распоряжении всего одни руки помощницы, лишиться их большая утрата... гхм.

— Не подскажите ли, — продолжила я, — не сдают ли где поблизости комнаты. Мне нужно бы переехать в более комфортное жилье. Чтоб дети не простывали.

Аптекарь почесал за ухом.

— В этом доме, на втором этаже, — ответил он нерешительно. — Отличная комната, просторная и теплая. Но подойдет ли вам?

— Отчего нет? — удивилась я.

— Дорого, — ответил он. — Серебряный за месяц. Но зато есть вода, небольшая кухня, чистая постель...

— Годится! — обрадовалась я. — А где мне найти хозяина?

— Да он, собственно, перед вами, — ответил аптекарь, еще раз оглядев меня с ног до головы поверх своих очков. — Но я хотел бы увидеть деньги, прежде чем говорить дальше о семье.

Я выложила на прилавок еще и серебряный.

И аптекарь оживился, потер ручки.

— Ну, идемте смотреть ваши новые апартаменты?

Комната действительно была хороша.

Намного лучше грязной ночлежки.

И даже той каморки в приюте, что служила мне спальней.

Комната была очень чистенькая и большая. Светлая — в ней была пара окон.

Кухонный уголок у печки был оснащен столиком из струганных светлых досок и парой стульев.

Правда, постель была одна.

Но зато широкая. И с толстым одеялом.

И небольшая жестяная ванна за ширмой.

Похоже, аптекарь ею особенно гордился.

— Гигиена, — проворчал он, важно раздуваясь от гордости, — это путь к здоровью!

— Совершенно с вами согласна! — кивнула я. — Ну, меня все устраивает. Вот ваш серебряный. Могу ли я получить ключи?

— Когда думаете переезжать? — спросил аптекарь, вручая их мне.

— Вечером, — ответила я.

Нет, можно было бы и сию минуту.

Но я не знала, как себя чувствует Лоранс. Тащить больную через город?

Нет. Надо б дождаться, чтоб ей стало немного лучше.

Да и показывать аптекарю оборванцев-попрошаек, называя их своими детьми, что-то не хотелось. Лучше уж привести их домой по темну, когда аптекарь закончит работу. Отмыть, привести в порядок. А потом уж людям показывать.

Так что я заперла свое новое жилище на ключ и распрощалась с аптекарем до утра.

Когда я покидала дом аптекаря, под окнами пронесся звонкий клич:

— Благодетель! Благодетель приехал!

Какая удача!

Такое нечасто можно услышать на улицах нашего города. Но иногда случается.

Люди, что побогаче, могут послать своих слуг с целой тележкой добра, чтоб те раздали вещи нуждающимся и нищим.

Обычно это ношенная одежда, или остатки сервизов, половина из которых разбилась.

Иногда богатые дамы жертвуют свои дорогие, но порядком ношенные туалеты бедным девушкам — на подвенечные платья.

В общем, в приезд такого благодетеля можно было поживиться хорошими и дорогими вещами.

Мне богатые туалеты были ни к чему.

Но вот для детей я бы подыскала что-нибудь. Это сэкономило бы мне целую кучу денег!

Конечно, я торопилась к больной Лоранс.

Но подыскать пару чулок — это ведь быстро?

У тележки с вещами уже шел нешуточный бой.

Кажется, привезли хорошие вещи. По крайней мере, в руках убегающих, тех, что отыскали и ухватили самое дорогое, я увидела фарфоровую дорогую супницу и дорогие напольные часы с боем.

На самой тележке, раздерганные и разбросанные, лежали какие-то шали, пальто.

А чуть поодаль, у дороги, лежал растрепанный тючок с явно детскими вещами.

Из развязанного узла выпал яркий алый ботиночек.

На этот-то тюк я и накинулась, как коршун.

О, небеса!

Какое же везение! Я чуть не зарыдала от счастья.

Среди вещей были и пленки-распашонки на младенцев, и вещи, как раз подходящие моим воспитанникам.

Среди нескольких пар ботинок я выбрала две нужных мне, меряя подошву ладонью.

Крепкие, целые, яркие!

Я радовалась, как ребенок.

Подобрала и чулки.

Хоть и чиненные, но теплые, шерстяные.

Для девочки даже с розовыми подвязками!

Отыскалась и чистая рубашка для мальчишки, и чистая юбка для девочки.

Ну, вот, уже не стыдно в таком виде показывать их людям!

Остальные вещи, что мне не подошли, я аккуратно увязала в узел и положила его на тележку. Может, кому сгодится.

Кроме всего прочего я отыскала совсем маленький, но еще целый и крепкий чайник, и тоже прихватила его с собой. Нам-то он точно пригодится.

А затем развернулась и со всех ног помчалась к ночлежке, где оставила детей.

Встретил меня перепуганный Алан.

— Скорее, скорее! Она разговаривает во сне! — выпалил он, тараща на меня испуганные глаза. — Лоранс смотрит на меня, но не видит! И бормочет что-то!

— Ай, ай! — я прямо-таки помертвела от этих вестей.

Покупки едва не вывалились из моих ослабевших рук.

Все эти чулки, рубашки — все теперь казалось мне таким ненужным и глупым! А я-то радовалась, когда нашла их!

Теперь мне казалось, что девочка умирает из-за моей жадности и глупости.

Если б я пришла на полчаса пораньше...

Лоранс бредила.

Это значит, что болезнь серьезнее, чем я могла подумать.

Я кубарем скатилась по лестнице, бросилась в нашу комнату.

Лоранс разметалась во сне. Она сбрасывала с себя одеяла, отталкивала котенка, который лез к ней погреться.

Щеки ее пылали, и сама она просто обжигала руки, когда я к ней прикасалась.

— Ох, детка, — я с трудом взяла себя в руки.

От страха хотелось выть. Никогда не видела, как дети болеют и... умирают.

В приюте за больными присматривала старуха.

Она их поила своим бренди, и, если им везло, они выживали.

— Лоранс умрет, да?! — испуганно воскликнул мальчишка.

— Нет, что ты, — как можно мягче произнесла я. Хотя у меня поджилки тряслись, когда я освобождала девочку от грязных серых одеял и усаживала ее. — Я не позволю ей умереть.

— Ты ведь купила лекарство?! — прорыдал в отчаянии Алан. — Купила?!

В его голосе был только страх.

Похоже, и он раскаивался в своем поведении, в своих необдуманно брошенных мне словах.

«Ты мне никто!»

А разве никто обязан заботиться о них?

Я могла взять деньги и исчезнуть.

Я могла прогулять их, вернуться к детям, отлупить их как следует и заставить на себя работать.

Так поступил бы «никто», которому эти дети не нужны.

Всего лишь разменная монета в его жизни.

Но я не никто.

Я им друг, старший друг и опекун!

— Конечно, купила, — как можно увереннее и тверже произнесла я. — Давай, помоги мне. Разбери покупки, принеси воды. Там, в корзинке с вещами, чайник. Я пока напою Лоранс лекарствами.

Но легко сказать — напою.

Девочке было холодно. Она стучала зубами, и в сознание не приходила.

Руки и ноги у нее были ледяными, а тело пылало.

Алан мигом обернулся с водой, и я решительно взялась обтереть Лоранс.

Взяла ее старый драный чулок, смочила его холодной водой и принялась тереть ее колени, бедра.

— Ты что делаешь?! — завопил Алан. — Ей же и так холодно! Ее надо укрыть, смотри, она вся дрожит!

— Нужно снять жар с тела, — процедила я. — Этим я и занимаюсь. Вот увидишь, ей станет легче. Она придет в себя и сможет принять лекарство. Иначе никак.

Лоранс слабо вскрикивала, когда я касалась ее тела мокрой холодной тряпкой, и пыталась защититься, закрыться руками.

Алан, чтобы не смотреть на эту пытку, со слезами отвернулся от нас.

Но жар действительно спал, как только я обтерла Лоранс всю.

Ее тело из обжигающего стало теплым и мягким.

Она вздохнула и с трудом открыла глаза.

— Ты вернулась, — слабо прошептала она и попыталась улыбнуться.

— Конечно, я вернулась, — твердо ответила я, накрывая девочку своим пальто. — И кроме лекарства, принесла вам подарки. Ну-ка, давай примем микстуру! А потом посмотрим, что я вам принесла.

Алан чуть ли не прыгал от счастья.

В кармане моего пальто я раздобыла бутылочки с лекарствами и с трудом сорвала засургученные пробки.

— О, целых две микстуры?! — удивился мальчишка.

— Одна чтобы снять жар, а вторая чтобы лечить болезнь.

— А разве снять жар недостаточно?

— Нет, конечно. Если болезнь не лечить, то и жар может вернуться, как его не сбивай.

Лоранс покорно выпила обе микстуры по очереди, хоть и было понятно — они отвратительно горькие на вкус.

Через пять минут лоб ее покрылся бусинами пота. Жар ушел, и мутные глаза посветлели.

— А что ты нам принесла? — спросила она звонким голоском.

Она уже рассмотрела и чулки, и новую юбку в разворошенной Аланом корзине. И ей не терпелось примерить их — и не верилось, что это для нее.

— О! Алан, принеси-ка сюда поближе корзину, — весело велела я, прижимая девочку к себе.

Мальчишка метнулся и мигом притащил обновки.

— Это для Лоранс?! — удивился он, вытаскивая чулки с подвязками.

— Какие красивые! — воскликнула девочка восторженно. — И чистые!

Штопки ее не смущали.

Главное — вещь была не порвала на стопе. Из дыр не торчали пятка и пальцы.

— Давай-ка наденем их, — скомандовала я. — А старые чулки в печь!

— Они могут еще пригодиться, — заметил Алан.

— Такие грязные? — ответила я. — Рваные? Нет уж. В печь! И ботинки туда же.

— Как?! — ахнула Лоранс. — А в чем я ходить буду?

— В новых, — торжествуя, ответила я.

И в подтверждение моих слов Алан подал ей яркие алые ботинки.

Они, конечно, были ношенные. С чуть поцарапанными носами и уже не такие алые, как изначально. Но все еще крепкими и целыми.

Но для этих нищих детей эти ботинки были словно елочная игрушка, невообразимо прекрасное чудо.

— Ну, давайте шустрее переодевайтесь! — тихо велела я.

Мое сердце прост пело от счастья. Так просто этим детям принести счастье!

Подарив чиненную одежду и ношенные ботинки...

И много-много любви вместе с ними!

— У меня есть еще один сюрприз для вас, — произнесла я.

— Какой? — удивился Алан, топоча каблуками своей новой обуви.

Его ботинки оказались ему немного велики.

Но уж какие были.

— Мы переезжаем отсюда в приличную комнату! — ликуя, ответила я.

Глава 3. Новая жизнь, начинающаяся с приключений

Вечером, когда стемнело, мы отправились в наш новый дом.

Дело это было непростое.

Лоранс едва могла идти.

Жар у нее спал, но сил у девочки не было совсем.

И я практически несла ее на руках.

Следом за нами тащился Алан. Он нес корзину с нашими припасами, которая была для него слишком тяжела, немного дров из ночлежки, и своего кота.

Да, он не бросил своего питомца.

Упрятал за пазуху и нес, прижимая попеременно то одной, то другой рукой.

Еще и подбадривал сам себя.

— Какие хорошие ботинки! — говорил он, останавливаясь через каждые десять шагов, чтоб отдохнуть. — Подошвы крепкие, и кожа толстая! Им век сносу не будет!

Лоранс, бедняжка, была почти без сознания и еле передвигала ноги.

Иногда я обхватывала ее за талию, прижимала к себе и несла.

И Алан нас тогда догонял, и плелся рядом, настороженно шмыгая носом.

В комнату на второй этаж мы с Аланом практически втащили Лоранс на руках.

— Я сейчас встану, — бормотала она. Но, конечно, подняться не могла.

Мы втащили ее в комнату, и она осела тряпичной куклой в углу.

— Ого! — вскричал Алан, оглядев наши новые апартаменты. — Лоранс, ты только глянь! Как чисто и просторно! Это куда лучше приюта!

Но девочка не могла оценить великолепия новой комнаты. Она засыпала от бессилия.

— Давай, Алан! Живее! — скомандовала я, стаскивая пальто. — Ее нужно раздеть и уложить в постель! А мы с тобой займемся ванной.

Алан послушно стащил ботинки, свою драную куртку.

Подошел к кровати и недоверчиво потрогал рукой мягкое белое одеяло.

— Это... мы на этом спать будем? — недоверчиво произнес он.

— Ну да, — ворчливо ответила я, стаскивая промокшее от дождя пальтишко с Лоранс. — А ты видишь какую-то другую постель?

— Нет, но...

— Вот и хватит болтать! Помоги мне!

Лоранс мы раздели и поскорее уложили в постель.

Ее пальто я вытряхнула как следует и отложила, планируя потом почистить.

Рубашку в сторонку. Потом постираю.

Алан, пыхтя, принес ведро воды, и я, снова ощутив в тельце девочки жар, обтерла ее как следует.

Напоила микстурой, укрыла одеялом.

Она почти тотчас уснула.

Не прося еды и питья.

Умаялась, бедная.

— Теперь ты, — грозно сказала я, указав на Алана.

— А что я?! — возмутился он.

— Мыться! — уничтожающим голосом ответила я. — Или ты думаешь, что я пушу тебя таким чумазым в чистую постель?

— О, нет! — вскричал Алан. — Мыться! Ни за что! Лоранс же не мылась, а уже спит на чистой подушке!

— Лоранс я дважды обтерла, — уничтожающе ответила я. — Холодной водой! И она не капризничала и не жаловалась. Она практически чистая. Так что не увиливай. Не получится.

— Пушка тоже придется мыть?! — возмутился Алан. — Смотри, он уже на одеяле!

И это была правда.

Неугомонный кот влез на постель и вылизывал свой облезлый хвостик.

До этого он поймал любопытную мышь в углу, так что этого малыша сегодня можно было не кормить.

— Кот сам о себе позаботится, — сурово произнесла я. — А мы должны позаботиться о себе. Ну, живо! Неси воды, да побольше. Через час ты будешь похож на человека.

— Я и сейчас похож, — бубнил Алан, подчиняясь.

— Не очень-то. Скорее, на комок грязи, — ответила я.

Печь растопили прихваченными из ночлежки дровами. Хорошо, что я об этом подумала, не то мы бы замерзли в новом жилище. Чистом, уютном, но холодном.

Печь была хорошая, огонь разгорелся сразу, и очень скоро стало заметно теплее.

— Завтра неплохо было бы купить угля, — пробормотала я, толкая в огонь щепки.

Воду грела в ведре, которое нашла в кухонном уголке.

Наполнила ванну и, взяв щетку, подступила к Алану.

— Ну, живо раздевайся!

— Я сам! — запротестовал мальчишка. — Я уже большой!

— Спину тоже сам себе отмоешь, «большой»?

— Спина не такая уж грязная, — возразил Алан.

Однако, стыдливо разделся за ширмой и залез в ванну.

Скоро я услышала, как он плещется и яростно трет кожу щеткой.

Я же занялась одеждой.

Нужно было придать ей более-менее пристойный вид.

Подаяние просить в этих вещах было самое то, а вот жить среди приличных людей — нет.

Я тщательно почистила щеткой пальто Лоранс, стараясь оттереть самые грязные пятна.

Вытряхнула куртку Алана. Ботинки детей и свои, промокшие и раскисшие, обтерла тряпкой и поставили сушиться ближе к печи.

Пока Алан мылся, обмылком стараясь промыть свои спутанные отросшие волосы, а я чинила одежду как могла, за дверями послышался какой-то шум.

Грохот тяжелых шагов на лестнице, сердитые голоса...

Я скорее почувствовала знакомые вибрации, чем узнала голос мужа. И даже дышать перестала от ужаса. Он нас нашел?!

И мальчишка перестал плескаться, едва ли не с головой нырнул в воду.

— Где они? Я знаю, их тут видели! — гремел голос мужа на лестничной площадке.

Я в ужасе ждала ударов его тяжелого кулака в дверь. Но их не последовало.

Наша дверь была самая приличная, чистая и крепкая из всех дверей на этом этаже. У мужа и мысли не возникло, что самую приличную комнату в доме могу снять я.

Как хорошо-то, что мы переехали вечером! Днем нас точно увидели бы и доложили б моему мужу адрес поточнее...

Мы с Аланом притаились, слушая, как директор приюта свирепствует.

— Шарлотта, негодница! — орал он, долбя кулаком в чью-то дверь. — Открывай сию минуту! Я знаю, ты тут прячешься!

Ответом ему было молчание.

— Верни мне мальчишку! — визжал муж, топая ногами. — А сама можешь катиться к чертям собачьим! Ты мне не нужна! Мальчишку отдай!

Мы с Аланом переглянулись.

— Зачем ты ему? — прошептала я.

— Мне откуда знать? — булькнул он из своей ванны.

— Ты... ты ничего у него не стащил, часом?

— Ну вот еще! — зло зашипел Алан. — Я что, воришка?! Ни у кого ничего и никогда не крал!

— Тогда что ж ему нужно?

Меж тем муж доорался до того, что разбудил соседей.

Заплакал ребенок за стеной, и заворчал гневный мужской голос.

— Кого это принесло в такой поздний час?!

— Потаскушка! — заверещал муженек, топая ногами. — Уже любовника нашла?!

Дверь отворилась.

Я слышала, как вышел мужчина, и как муж что-то еще выкрикивал, пытаясь пробиться в комнату и отыскать там Алана.

Сосед его не пускал.

А потом, когда господин директор стал чересчур настойчив, послышался смачный удар, и господин директор полетел с лестницы кубарем.

— Еще раз увижу тебя здесь, шею сверну! — проорал гневно сосед.

— Простите, простите, — лепетал где-то внизу директор.

Сосед с грохотом закрыл дверь и все стихло.

**

После того, как сосед выгнал господина директора, мы с Аланом еще немного посидели в тишине, пока не стало ясно, что тот убрался восвояси.

Алан вылез из ванны, обтерся кое-как своей рубашонкой, и я взяла ее в стирку.

Затем он надел штанишки — белые, из тонкого полотна, что в этом мире считались бельем, — и юркнул под одеяло к Лоранс.

Расчесывала его влажные, отливающие медью волосы я тогда, когда он уже насвистывал носом, крепко спал.

Осторожно глянув в окошко, я убедилась, что муженька поблизости нет. Да и время близилось к полночи.

Господин директор, Гаспар, не из тех людей, что готовы ради дела ночами мерзнуть на холодной улице.

И только после этого, убедившись, что его нет, я осмелилась выйти на улицу.

Опустошить ванну, нанести чистой воды, вскипятить ее, чтоб немного состирнуть рубашечки детей и свою собственную.

Я тщательно их намыливала щелоком и не менее тщательно полоскала, так, что взбивала ткань в воде пышную пену.

Стираное белье стало белым, чистым, свежим. Я развешала его над печкой, в самом жару. Там оно скорее высохнет.

И после ванны надеть чистую, свежую рубашку будет очень приятно! Пусть и немного влажную, но чистую.

А затем я наполнила ванну для себя, чтоб хоть немного расслабить натруженное тело в горячей воде. Торопливо разделась за ширмой и поспешно юркнула в теплую воду.

Я словно сама себя стеснялась.

Ну, еще бы. Я еще не привыкла к этому маленькому юному телу. Оно казалось мне чужим. Незнакомым.

Без одежды я оказалась совсем хрупкой.

Юная девушка. Почти ребенок — что такое девятнадцать лет? Самая ранняя юность.

Полуголодная девушка, которую не щадили и заставляли много работать, м-да...

Зато после ванны мне стало как будто легче дышать.

Кожа моя из бледной и серой стала чистой, розовой.

Волосы — каштановые, чуть выющиеся.

Дрожь ушла из уставших рук, пальцы стали нежнее.

Обломком гребешка, что нашелся у меня в кармане, я расчесала свои длинные богатые волосы. Да, у господина директора Гаспара губа была не дура.

Лотти он сделал своей женой явно за ее красоту!

Уже во втором часу ночи я, наконец, улеглась спать, столкнув с подушки мурлыкающего кота.

— Уступи-ка мне место, господин Пушок, — строго произнесла я, осторожно, чтоб не разбудить детей, сказала я. — Ты целый день грел и отлеживал бока, пока я трудилась!

Впрочем, кот не сильно-то и расстроился.

И тотчас вскарабкался обратно, цепляясь коготками за одеяло.

Мне бы спать.

Я же так устала, так измучена! И поясница болит. Наносилась воды.

А я лежала, гладила кота — он устроился у меня на груди, свернувшись клубком, — и размышляла, как бы разузнать, зачем Гаспар разыскивал Алана.

Этот его интерес к мальчишке был неспроста.

Гаспар и мизинцем просто так не пошевелит.

Значит, найти Алана ему выгодно.

Родственники объявились у мальчишки, что ли?

И, скорее всего, богатые родственники.

Как бы разузнать, что там приключилось, в этом приюте, после того, как мы ушли?

Можно было, конечно, отловить старуху на рынке. Обязанности покупать продукты для директора с нее вряд ли кто снял. Значит, можно ее там выследить.

Старуху можно припугнуть, напоить, подкупить... Пойти за ней тайком и послушать, о чем она будет болтать с попутчиками, с продавцами.

А можно пойти в попечительский совет и навести справки там.

Там-то наверняка должны знать о причине, по которой Гаспар Алана ищет!

Значит, решено.

Утром пойду на рынок — все равно нам нужно купить посуды, того же мыла, да еще много чего для нашей маленькой семьи. За одним и старуху поищу.

Эх, деньги тают просто с непостижимой скоростью!

Значит, неплохо было б и работу поискать. Хоть какую-то!

Утро выдалось холодное и хмурое.

За окнами плыл молочный туман. Самое удобное время для слежки за старухой!

На завтрак снова бутерброды с порядком уже подсохшим хлебом и салом.

В маленьком чайничке я сварила несколько яиц. Положив их на стол остывать, помыла чайник и вскипятила в нем еще воды. Чая нет, так хоть кипятка попить.

Проснулась Лоранс. Все еще больная, бледная, но уже без жара.

Я дала ей лекарства, и она вдруг застенчиво попросила поесть.

— Конечно, милая, — ответила я. — Сейчас дам тебе рубашку. Ты оденешься и можешь позавтракать.

— А ты? — натягивая шуршащую чистую одежду, спросила Лоранс.

— Мне нужно пойти работу поискать, — туманно ответила я. — Вот тут яйца, хлеб. Твои лекарства. Если почувствуешь, что снова поднимается жар, пей вот это. В полдень нужно выпить из этой бутылки.

В глазах девочки отразился на миг страх.

— Тебя так долго не будет?! — воскликнула она.

— Глупенькая. Разве это долго? Всего четыре часа.

Но девочка уже впала в панику.

Она мотала головой, губы ее побледнели.

— Только не бросай нас! — выкрикнула она отчаянно.

— Милая. Да разве же я брошу, — мой голос дрогнул. — Но, чтобы жить, нам необходимы деньги. А значит, работать нужно.

— Я могу тоже работать, — вся дрожа, выкрикнула она. — Я сильная!

Похоже, она думала, что ее болезнь, делающая ее слабой и бесполезной, может стать причиной, по которой я захочу от нее избавиться.

Гаспар так и сделал ведь.

Девочка не могла работать — он ее и вставил прочь.

Страх быть брошенной, оставленной без помощи и поддержки, душил бедную Лоранс.

— Об этом сейчас и речи быть не может! — строго сказала я. — Для начала ты должна поправиться. А уж потом...

— Я могу чинить одежду, — дрожащим голосом произнесла Лоранс. — Я умею шить. И гладить. И застилать постели. Я могу быть горничной!

— Потом, — уже ласковей сказала я. — Потом, милая. Твоя помощь мне понадобится, конечно. Но сначала я хочу видеть тебя здоровой.

— Я уже почти здорова! — воскликнула она. — Я могу пойти с тобой и поискать работу и для себя!

Так и рвется в бой. Откажу ей, и она забьется в истерику. А вести полубольную девчонку на улицу?.. Это невозможно!

Казалось, что ей жизненно необходимо держать меня за руку и чувствовать, что я рядом с ней.

— Чинить одежду можешь? — переспросила я. — Что ж, это отлично. Если хорошо себя чувствуешь, то можешь привести в порядок свою одежду и одежду Алана. Как следует отчистить ее. Я вчера немного постаралась, но этого мало. Приду — проверю.

Глаза девочки просияли. Если я собираюсь с нее спросить, то наверняка вернусь, не так ли?

Тем временем мне на ум пришла одна мысль.

Странно, что Гаспар разыскивал одного Алана. А о судьбе девочки даже не заикнулся.

— А вы с Аланом разве не брат и сестра?

— Что? — удивилась Лоранс.

Она встала, надела новую юбку и шерстяные чулки.

Как-то неназойливо и очень быстро убрала со стола, смахнула крошки и замела пол. Собрала скорлупу яиц, оставленную мной на уголке стола, и бросила ее в печь.

И все это Лоранс делала очень аккуратно, ловко, и как-то особо умело и быстро.

— Мы с Аланом просто дружим, — ответила Лоранс, управившись с делами. — Так уж вышло, что мы сошлись в приюте. Больше никто с нами дружить не хотел, вот мы и сблизились. Но мы точно не родня. Я-то своих родных немного помню. И Алана среди них не было.

— А сам Алан откуда? — спросила я.

— Не знаю, — пожала плечами Лоранс. — Мы говорили с ним об этом, и он сказал, что не помнит.

— Он попал в приют совсем маленьким?

— Да что ты. Вовсе нет. Год назад.

— И не помнит родных?

— Он сказал, что не помнит из прошлого ничего. Только то, что, кажется, его окружали какие-то ужасные люди. Они с ним что-то плохое хотели сделать. Он и так был отравлен, сильно болен, и почти ничего не соображал. А они хотели причинить ему ужасное зло. Это он понимал. Но, пока они думали, и пока держали его в каком-то доме — Алан называл его домом теней,

— он немного пришел в себя и удрал. На улице его попечители и подобрали. Но и тут ему не повезло. Попал в наш приют, в приют папаши Гаспара!

Ага. Вот, значит, как.

Алана-то могли разыскивать как родственники, так и те, кто хотел ему причинить страшное зло. Значит, надо быть аккуратнее и осторожнее, расспрашивая о нем.

— Ну, хорошо, — вздохнула я. — Я пошла. Проснется Алан — накорми и его.

И я отправилась на разведку!

На базаре было шумно, людно. И я даже забыла о своей главной цели — разузнать об Алане.

Я ходила по торговым рядам, и у меня глаза разбегались. Сколько всего мне надо было купить, и сколько хотелось!

И если раньше денег в мои руки не попадало, то теперь-то я кое-что себе могла позволить.

Например, новую расческу вместо жалкого обломка, которым я кое-как прочесывала волосы.

Такая крохотная вещь, и такая нужная.

Затем посуда — ложки, аккуратные круглые и глубокие миски из обожженной докрасна глины.

Немного сахара, немного чая.

Ужасно хотелось купить каких-нибудь милых мелочей для уюта в доме.

Но я сдержалась; когда совершаешь покупки, самое трудное вовремя остановиться!

В лавке я купила полотна для белья себе и детям, иголку и крепких белых ниток. Кроить и шить придется самой, но так выйдет дешевле. Зато будем чистые и опрятные. Мне и Лоранс пошью по фартучку, Алану — рубашечку и нижние штанишки.

Подумав немного и пострадав, терзаемая жадностью, купила и два куска мыла в плотной коричневой бумаге-обертке.

Один туалетный, тонко пахнущий какими-то цветами. Второй коричневый, полупрозрачный, пахучий.

Едкое хозяйственное мыло.

Для нашей маленькой — нет, не семьи, но, наверное, коммуны, — я купила и небольшой котелок, чтоб варить суп.

Какая наивная покупка! А будут ли продукты, чтобы его варить?

— Будут, — тихонько и радостно произнесла я.

И смело пошла в ряды с продуктами и купила кусочек мяса!

Пока мне его взвешивали и заворачивали в оберточную коричневую бумагу, я набрала еще пять картофелин, одну морковку и одну луковицу для супа.

Сегодня поедем на славу!

Да и Лоранс бульон очень полезен для здоровья.

Пока я укладывала овощи в корзинку, в лавке появились еще покупатели.

И я сжалась в комочек, пожелала быть невидимой!

Потому что, по иронии судьбы, это была ненавистная старуха! Явилась за новой порцией овощей для приюта.

А чему удивляться.

Эту лавку с дешевым картофелем и луком показала мне именно она. Собственно, я и пришла именно в эти торговые ряды, чтоб найти эту старую жабу...

Однажды я по глупости купила дорогой, сортовой картофель.

Чистый, гладкий.

Я еще радовалась, что нашла такой.

Думала — вот я молодец. Из такого картофеля и похлебка получится другой. Густой, сытной.

И все дети наедятся. Картошка-то крупная, круглая, без червоточин! Не дряблая. Не придется срезать половину вместе с кожурой.

Но старуха мою покупку не одобрила. Она отлупила меня как следует.

— Ты что, богачка? — орала она, нещадно колотя меня по спине ручкой метлы. — Или принесла большое приданое, которое теперь тратишь? Могла сэкономить три медяка! Три! А ты взяла самый дорогой картофель на базаре!

От этих воспоминаний во рту стало горько и солоно, словно я снова прикусила до крови губу, чтоб не кричать.

Я порывисто отпрянула от прилавка.

Не хотела даже стоять рядом с этой злобной старухой.

Но та на меня не обратила ни малейшего внимания.

Ей, наверное, и в голову не могло прийти, что я так осмелею, что буду разгуливать в людных местах.

— Мне лука, — желчно проговорила старуха. — Да побольше. Луковиц шесть. Вместо картошки.

Ну, ясно.

Хочет снова сварить жидкую баланду на луке и сказать, что картофель разварился.

А сэкономленные деньги припрятать в карман.

Три гроша!

И все в приюте останутся полуголодными. Проведут холодную ночь под тонкими одеялами в жестких кроватях, с бурчащими животами.

Но старухе это казалось приемлемым за возможность разжиться тремя медяками.

После нашей драки физиономия у старухи была просто... удручающая.

Разбитый мной нос вспух и был сине-красным.

Один глаз тоже заплыл, и губы были расквашены.

Они вообще были у нее премерзкими. Похожими на лопнувшую в кипятке сардельку. Толстую, блестящую и бесформенную.

Старуха все время причмокивали и всасывала шумно воздух.

Хм, странно. Губы-то ей точно не я разбила! Господин сын постарался? За то, что меня упустила?

От этой семейки всего можно ожидать.

— Что такое произошло с вами, госпожа Ганна? — воскликнул удивленный лавочник, разглядывая расквашенную физиономию старухи.

— Невестка, будь она неладна, — прошепелявила старуха. — Такая стерва. Неблагодарная собака! Мы ее подобрали на помойке, а она...

— Поразительно! — воскликнул лавочник. — Какая жестокость... бить старую женщину! Благодетельницу! Ту, которая делает благородное, святое дело — кормит и воспитывает сироток!

— Вот-вот, — мрачно поддакнула старуха, складывая в кошелку свой лук.

— А в чем причина ее агрессии? — любопытствовал лавочник.

Я даже дыхание затаила. Сейчас-то старуха все выложит!

Но не тут-то было.

— Да кто ж ее знает, — желчно ответила она. — Решила уйти от Гаспара! Шлюха! Говорила всегда, что она шлюха! Я отпускать не хотела — стыд-то какой, невестка блудница! С любовником решила удрать! Вот она меня и приложила...

— О, ужас! — вскричал лавочник. Глаза его радостно блестели. Будет что сегодня рассказать другим продавцам.

А я буквально закипала от злости.

Мало того, что она меня ненавидела, прибить хотела, так еще и позорит ходит!

Я побыстрее выскочила из лавки, чтоб ненароком не выдать себя.

Не хватало еще, чтоб она меня узнала и указала на меня. А лавочник позвал бы полицию!

Однако, в старухином вранье был и плюс.

Я поняла, что старуха и Гаспар сами в полицию за помощью в поимке меня не пойдут. Это было очень странно, учитывая, что обычно Гаспар и за медяк устроил бы охоту. Уж очень он был скуп.

А тут простил и продукты, и стащенные мной у старухи деньги.

Значит, искать Алана при помощи полиции они тоже не хотят. Даже, пожалуй, намеренно скрывают все, что с ним связано.

Та-ак.

Что бы это могло значить?

Алана ищут нехорошие люди? Те, что его чуть не отравили?

И полиция и знать не должна о существовании мальчишки?

Или же в полиции нельзя даже заикаться о том, в каких условиях Алан жил, и о том, что Гаспар его выгнал на улицу?!

Старухи все еще не было видно. Я даже немного замерзла, ожидая ее за углом.

Видно, еще жаловалась на нелегкую судьбу и невестку-потаскуху.

Я уже засомневалась, а стоит ли вообще мне ее ждать.

Как вдруг удар обрушился мне на голову, и я ахнула, упав на землю.

— Мерзкая тварь!

Надо мной стояла старуха, торжествуя.

Она все-таки меня заметила. Просто вида не подала.

И, чтоб напасть на меня, она обошла лавку кругом, подкралась сзади и треснула палкой по голове. Стратег, однако...

— Сволочь тощая! — злобно скрипела старая ведьма, сжимая кулаки. — Попалась! Отвечай, куда дела мальчишку?! Где ты его бросила, мерзавка? Куда ты его дела?

И она снова ткнула в меня палкой, целясь в живот. Но я увернулась, и она не попала в меня лишь чудом.

То, что наконечник на ее палке был железным, а таким ударом меня можно было убить, старуху не волновало.

Казалось, она готова была меня до смерти замучить, лишь бы вытрясти информацию об Алане.

Она и клюку свою снова подняла, метя мне в ногу. Если сильно постарается, то перебьет мне бедро. И все, и никуда я от нее не денусь!

Эти мысли промелькнули в моей голове яркой вспышкой.

Я едва успела перекатиться на бок.

Металлический наконечник ударил в булыжники совсем рядом со мной.

Пробил юбку. Застрял между камней.

— Не смей крутиться, мерзавка! — пыхтела старуха, освобождая свою палку.

Я подскочила. Юбка моя с треском разорвалась, но лучше остаться без юбки, чем без жизни.

С криком я накинулась на старуху и вцепилась в ее палку.

Я думала, что мне удастся с ней справиться так же легко, как в прошлый раз.

Но, видимо, в прошлый раз меня вело отчаяние. Оно мне сил придало.

Сегодня старуха оказалась намного сильнее, чем я думала о ней.

Она с рычанием рванула палку на себя.

— Я тебе сейчас все ребра покрошу! — пыхтела она, выворачивая свою палку из моих рук.

Пальцы мои скользили по дереву, залоснившемуся от долгой службы.

Старуха вот-вот отнимет у меня свое оружие и снова ударит...

Придется действовать на опережение!

Я отпустила палку, из-за которой мы так яростно сцепились.

Старуха дернула ее на себя и покачнулась назад.

А я, собрав в свой худенький кулачок все силы, что есть дури ударила ее снова в нос!

Старуха взвыла и схватилась за лицо. Меж пальцев у нее потекла кровь.

— Опять! — ревела она, как брюхатая корова. — Мой но-ос!

— Старая ведьма, — выдохнула я. — Теперь ты мне отвечай: зачем вам Алан?

Я ловко подобрала палку, за которой старуха собралась было наклониться, и без сожаления треснула ее по ляжке.

Бабка взвыла. Но мне ее кривляния были безразличны.

— Отвечай! — повторила я и еще разок ткнула старуху. — Вы собрались продать его негодьям? Он рассказывал, как его украли и отравили. Вы собрались им его отдать?

Старуха злобно зыркала на меня своим подбитым глазом и молчала.

— Ах так, — зло промолвила я. — Молчишь, значит? Хорошо. Я пойду в полицию, — я снова огрела ее по ногам, да так, что она подскочила. — И все расскажу! И о вашем замечательном приюте, и о том, как вы мальчишку прогнали! И о том, что сейчас хотите его продать негодьям!

— Да каким негодьям! — взвилась старуха. — Ты ума решилась, девка? Каким негодьям!

— А кому тогда? — я снова треснула ее по ляжке, и старуха жалобно запищала.

— У него объявился родственник! — жалобно захныкала она. — Приходил, спрашивал...

— Так чего ж вы в полицию не пошли? Отыскать меня?

Старуха окрысилась.

— Ты дура, что ли, — прошипела она, глядя на меня так яростно, что будь ее воля — она б мне голову оторвала голым руками. — Тебе же сказано, родственник объявился! Богатый! А злой какой — страсть! Все орал, почему мы не искали родню мальчишки, если подобрали его без документов на улице! Все беспокоился, не болен ли он. Хорошо ли одет. Орал, что условия у нас скотские. И его мальчишке не место в таком приюте. Обещал нам шеи свернуть, если с мальчишкой что случится. Мы и сказали, что вернем его в две недели!

Тут старуха скривила разбитые губы, и мне подумалось — а не родственник ли Алана разбил ей рот за какое-нибудь дерзкое словцо?

— Ну, и потребовал вернуть его, — шипела старуха. — А тут ты! Так некстати его с собой утащила! Брось ты его на улице — мы б вмиг его нашли. Я-то знаю, где он обычно болтался, зарабатывал...

— Ну, и как же вы собирались выкручиваться? — усмехнулась я. — Как объяснили его отсутствие?

— Гаспар ответил тому господину, что мальчишка прихворнул. И чтоб его подлечить, его якобы отправили в деревню, южнее. К теплым озерам. Вот под это дело мы и выторговали себе это время — две недели. Якобы, надо послать письмо туда, чтоб мальчишку собрали и вернули в приют. Вот почему в полицию не надо! Если он узнает, что мальчишка был в наших руках и мы его!..

— Выгнали, — угодливо подсказала я. — Вы его вышвырнули на улицу умирать. Да, я поняла, что новоявленный родственничек вам шеи свернет.

Старуха смотрела на меня недружелюбно, исподлобья.

— Ну? — рявкнула она. — Теперь ты знаешь все! Видишь, ничего дурного мы паршивцу мелкому не хотим! Напротив, готовы его домой вернуть. Ты вернешь его нам?

— Нет, — елеиным голоском ответила я.

Старуха даже в лице поменялась.

— Что?! — вскипела она. — Как это нет? Ты что же, хочешь, чтоб мелкий паршивец по улицам скитался?! От семьи его оторвать хочешь? Негодяйка...

— Я сама его верну, — ответила я. — Зачем вас утруждать? Скажи только кому. И адрес дай. Этот родственник же ставил какой-то адрес?

Старуха молча сопела.

Я же не хотела возвращать Алана по двум причинам.

Во-первых, эти мерзавцы, Гаспар и его мамаша, могли начать давить на малыша. Могли угрозами заставлять его говорить о них хорошее.

А во-вторых, «родственник» вполне мог оказаться все же негодяем.

И если Гаспару все равно было, кому отдавать мальчишку, то мне — нет.

— Ну? Имя говори, — нетерпеливо потребовала я.

Но старуха вдруг со всей дури зашвырнула в меня свою кошелку с луковицами и со всех ног, как молодая, припустила прочь, задрав юбки и обнаружив под ними мощную задницу и толстые ноги в кружевных панталонах.

Я только ахнула, когда лук прилетел мне точнехонько в грудь.

Ну, и кое-что поняла.

Кем бы ни был этот «родственник», а он обещал за Алана награду. И она должна была быть нешуточная.

Поэтому старуха и не сказала ни слова о его личности.

Так поспешно старуха скрылась потому, что нашу драку заметили люди.

И поспешили на помощь — мне, не ей.

— Эй, ты! — послышался грубый окрик. — А ну, стой! Что ты задумала, старая кляча?!

Эти слова вспугнули ее и заставили бежать.

И весьма прытко, несмотря на возраст.

А я осталась одна на поле боя, с отвоеванной клюкой и сумкой с луковицами.

— Вы не сильно пострадали?

Ко мне подбежал высокий, крепко сбитый господин средних лет. С лохматыми бакенбардами, в цилиндре. В добротной одежде.

— Кажется... не очень, — промямлила я.

И тут же охнула, ощутив, как наливаются болью ушибы.

На глаза слезы навернулись.

— Ох, уж эти благодетели! — выругался он, галантно подняв мою корзину и помогая мне собрать разбросанные продукты и мои покупки. — Всем известна их доброта... Как только верят таким пройдохам!

Я с удивлением покосилась на него. О чем это он?

— О, извините! — он сорвал с седоволосой головы цилиндр и церемонно поклонился мне. — Я не представился. Джон Ижкомб, юрист! Видите ли, я очень тесно общаюсь с благотворительными обществами, это мой долг! И не понаслышке знаю, как эти люди, основатели приютов, наживаются и на детях, и на попечителях!

— Извините... — пропищала я.

— Да, я позволил себе немного подслушать, — признался этот странный человек. — Все-таки, надо было решать, за кого вступиться. И это очень важно, заступиться именно за хорошего человека! Я понял суть вашего конфликта. Эти люди, старуха и директор приюта, они же хотят нагреть руки!

— Наверное, — неуверенно промямлила я.

Он с жаром закивал.

— Да так и есть, уверяю вас! Я таких дел повидал на своем веку. Они избавились от воспитанника, мерзавцы. А как сыскались его родственники, захотели вернуть его обратно? Я прав?

— В общих чертах да, — подтвердила я.

Мужчина снова закивал с таким энтузиазмом, что я подумала — у него голова отвалится.

— Подонки! — выдохнул он. — Не отдавайте им ребенка, нипочем не отдавайте!

— У меня и мысли такой не было, — уверила его я.

— А! Но они могут объявить, что вы ребенка похитили. Как только остро встанет вопрос денег, они это сделают.

— Что! — вскричала я в ужасе.

— Да, да, — закивал головой мой нечаянный собеседник. — Бывали случаи. Когда находилась родня, скажем, богатый дядюшка, и назначалась награда за сведения о ребенке, негодяи просто объявляли, что ребенок был у них похищен. Так что вы в большой опасности.

— Что же делать?! — вскричала я в ужасе.

— Выход только один: организовать свой приют, — деловым тоном произнес юрист. — Поверьте, я знаю, что говорю. Во-первых, тогда о похищении и речи идти не может. Во-вторых, попечительский совет вам окажет материальную помощь и даст помощников в уходе за детьми если вы нуждаетесь. А в-третьих, через них можно найти родню ребенка, если вы точно знаете, что его ищут.

— Его ищут! — вскричала я.

— Отлично! — вскричал этот странный человек. — Идемте!

— Куда?! — поразила я.

— В попечительский совет, — скомандовал юрист, сунув мне в руки и мою корзину, и кошелку, отвоеванную у старухи.

— Зачем?!

— Объявите себя содержательницей приюта! У вас ведь есть жилье? Крыша над головой? Где-то этот ребенок должен обитать?

Он ухватил меня за руку и потащил прочь от овощной лавки.

— Разумеется, есть! — вскричала я, волочась за этим энергичным джентльменом. — Прекрасная комната с удобной кроватью и ванной!

— Отлично, отлично! — обрадовался мужчина.

— И детей у меня двое, — я вдруг вспомнила о Лоранс. — Эти... мерзавцы... они двоих выгнали.

— Да это еще лучше! — возрадовался он. — Двое детей, подобранных с улицы — это уже благое дело! Трое было б идеально.

— Трое у меня нет, — желчно ответила я. — Это же не котята, которые рождаются кучей.

— Жаль, жаль, — ответил мне юрист, нещадно волоча меня по улице. — Но и две хорошо. Да, кстати. От вас потребуется немного приврать.

— Приврать?! — вскричала я.

— Конечно.

— Вранье какого рода я должна... воспроизвести?

— Скажете, что вы дипломированный специалист. Учитель.

— Что-о-о?! А если проверят?!

В голове моей тотчас же возникла схема «позвонят, пробьют по инету, уточнят насчет диплома».

И я не сразу сообразила, что никому позвонить никто не сможет.

— Проверка займет время! — пыхтел юрист, волоча меня все быстрее. — А я пока могу подготовить бумаги... Имя Элис вас устроит?

— Что?! Меня зовут Шарлотта!

— Как старую черепаху, — огрызнулся этот странный юрист. — Элис Кант!

— Ну, хоть не Фрейд...

— О, нет. Такой фамилии в моей картотеке нет. Элис Кант есть.

— И что же?!

— Она была учительницей в колледже мальчиков.

— Была?

— Умерла во время эпидемии оспы. Но ее бумаги мне достались. Значит, будете Элис!

Итак, в здание, где попечительский совет заседал, я влетела в десять часов утра, под именем Элис Кант, учительницы младших классов.

Конечно, одно время я мечтала о такой карьере.

Открывать малышам тайны природы, знакомить их с миром — это казалось мне ужасно интересным.

Но не мошенническим же путем!

А этот странный господин впился в меня, как пиявка. И диктовал мне, что я должна говорить.

— Скажете, что на улице нашли вашу воспитанницу. Как бишь ее?

— Лоранс Вайнс, — я с трудом вспомнила имя девочки.

— Да! Отлично! И мальчика?

— Алан, — автоматически ответила я. — Фамилия неизвестна.

— Отлично! — воскликнул юрист. — Поищем!

— Но зачем, — пропыхтела я, задыхаясь от быстрого бега, — зачем вам-то это? Зачем вы мне помогаете?

Мужчина встал, как вкопанный, и я налетела на него по инерции.

Он глянул на меня, и я увидела его глаза под очками — немного грустные и какие-то особенно беззащитные, доверчивые.

— Потому что я верю в добро, — доверительно сообщил он мне. — Вы-то хотите добра этим детям. Я знаю. И я готов пойти на подлог и на обман. Лишь бы вышло хорошо. Ну, идемте!

Он снова дернул меня за руку.

— Его светлость зовут господин Рамзи.

— Светлость? Я слышала, что во главе попечительских советов стоит священник!

— Именно. Он же герцог де Моро.

— Рамзи де Моро?! — воскликнула я в ужасе. Богатейшая фамилия страны...

— Именно. Он тоже много доброго делает для людей. Но вы зовите его господином Рамзи. Или его светлостью.

— И что я должна говорить?!

— Вы мне должны поддакивать! А скажу я все сам.

В здании, где заседал попечительский совет, было темно и прохладно.

Как в храме.

Я невольно плечами передернула, пока мы взбирались по лестнице на этаж, где располагался кабинет пресловутого герцога-священника.

Он принял нас безо всяких проволочек. Тотчас, как доложили о нашем прибытии. И я вошла в его кабинет, содрогаясь от волнения.

Священник сидел за столом, исподлобья глядя то на нас, то на своего ученика.

Ученик смотрел в учебник и громко сопел.

Не знаю уж, что там был за предмет. Но, судя по лицу священника, ученик ответить его не мог.

У священника, мужчины стройного, изящного и подтянутого, было серое от усталости лицо. Внимательные голубые глаза и светлые, словно пшеничные, волосы.

Несомненно, он пытался проявить выдержку, смирение, терпение и все-все-все добропорядочные качества, но это ему удавалось плохо.

Нерадивый ученик доканывал его своей бестолковостью, и наш визит священнику казался милостью божией.

— Диплом, приют, — бормотал он, потирая длинными белыми пальцами переносицу и слушая, как мой нечаянный помощник разливается соловьем. — Это все прекрасно. Я могу выделить финансирование. Но чтобы его получить, мне нужно не это все.

— А что же? — удивленный, воскликнул юрист. — Поверьте, госпожа Элис Кант не для себя старается! Ее старания направлены на то, чтобы...

Но священник не стал слушать моего юриста. Таких болтунов он наслушался предостаточно.

— Элис, — мягко обратился ко мне его светлость. — Вы же учитель?

— О да, — согласилась я, вспоминая все свои умения, которым я училась в престижном ВУЗе. — Я могу обучить детей арифметике, письму, литературе, географии, истории. Девочкам могу преподавать рукоделие.

— Хм, — священник заглянул в мою корзинку. — Мясо, картофель, лук... вы явно хотите сытно накормить ваших учеников. Но сможете ли вы дать им пищу для ума? Сможете ли обучить?

— Я постараюсь, — заверила его я.

Священник снова хмыкнул.

— Приют, — веско произнес он, — берет финансирования у нас... и я хотел бы видеть, что наши деньги пойдут на обучение детей.

— Да, — ответила я, все еще не понимая, куда он клонит. Я ж обещала их обучать!

— Вот Курт, — священник указал на надутую мальчишку. — Совершенно необучаем.

Курс сурово засопел носом, а священник возвел очи горе. И на лице его отразилось стральдальческое смирение.

— Даю вам полчаса, — произнес священник, поднимаясь из-за стола. — Обучите его стиху. Хоть какому. Песенке, частушке. Даю слово — если он продекламирует хотя бы четверостишие, я поверю в вас, в ваш учительский талант, и дам вам статус приюта и финансирование.

Курт смотрел на меня, а я смотрела на Курта.

Он сопел, а я не знала, с чего начать.

— Ты что, не можешь запомнить стишок? — спросила я, наконец.

Курт отрицательно мотнул головой.

— Почему?

— Не интересно, — прогудел Курт, все так же исподлбья меня изучая. — Слова нудные, жужжат, как мухи.

— А что тебе интересно? — спросила я.

Курт рассеянно пожал плечами.

— А веселые истории? Картинки?

— Мне не показывают картинок, — прогудел Курт.

— Хочешь, покажу? — спросила я.

Курт промолчал, но лицо его сделалось заинтересованным.

— Надеюсь, его светлость будет не против, что я сяду за его стол, — произнесла я.

— Если вы научите меня стишку, — грубо сказал Курт, — он простит вам даже богохульство. Он так сказал.

Я не выдержала, рассмеялась.

— Уже прощал кому-нибудь?

— Нет, — так же грубо, с вызовом, ответил Курт. — Видимо, чтоб получить отпущение грехов, надо стараться чуть больше. Это тоже он так говорит.

Я поставила свою корзину с покупками в угол, уселась за стол и придвинула к себе лист бумаги и перо.

— Иди-ка сюда поближе, Курт, — велела я.

Мальчишка недоверчиво приблизился, пряча руки за спину.

Ага, розгами наказывали. По ладоням били. И не помогло.

Что ж...

— Я расскажу тебе одну веселую историю, — сказала я, обмакнув перо в чернила.

— Про кого? — прогудел Курт, глядя, как я рисую на бумаге козявку.

— Про муху, — ответила я, изображая, как у козявочной мухи блестит брюхо. — Про Муху Цокотуху.

Честно — не придумала ничего умнее.

Но это самый легкий стишок, его запоминают даже дошколята.

— Муха, Муха Цокотуха, позолоченное брюхо, — продекламировала я, рисуя мухе ноги.

— Муха по полю пошла, муха денежку нашла...

Курт с интересом наблюдал за приключениями мухи.

И находка денег в поле его очень порадовала.

— А потом что?! — нетерпеливо воскликнул он. Рисовала-то я намного медленнее, чем декламировала.

А Курту очень, очень нравились картинки.

Хоть на них муха и походила на ромашку с тремя лепестками...

— Пошла муха на базар, и купила...

— Что, что?! —

Покупка самовара Курта тоже порадовала.

Как и устроенный для тараканов праздник.

Словом, когда священник вернулся в свой кабинет, у нас было три листа, изрисованных разного рода козявками.

И Курт, сопя от усердия, сам пририсовывал ноги кузнечiku.

Священник так и встал столбом.

— Э-э-э, — неопределенно протянул он, глядя на плоды наших усилий. — Госпожа Элис Кант... Мне кажется, вы не вполне поняли задание. Наладить доверительные отношения с учеником — это отлично, но я просил выучить что-нибудь.

— О, я думаю, Курт сможет рассказать вам историю, — легко ответила я. — Курт, ты сможешь рассказать, что тут изображено?

Курт сопел возбужденно.

— Что нарисовано на этой картинке? — спросила я, указав на первую муху.

Курт прочистил горло, встал в позу, выставив вперед ногу, и звонко продекламировал:

— Муха, Муха Цокотуха,

Позолоченное брюхо!

Муха по полю пошла,

Муха денежку нашла!

С каждым новым словом, произнесенным «необучаемым» Куртом, голубые глаза священника становились все больше и больше.

И карабкались на лоб все выше и выше.

А Курт даже в бумажки не подглядывал, пересказывая длинный стишок все уверенней!

— Нет, это не случайность, — заключил священник, когда Курт запнулся и торопливо начал искать подсказку в бумагах. — Вы действительно нашли к нему ключик, Элис... Видите, сестра Агата? Вот он, ваш многолетний стаж, вот он, ваш большой опыт! Вы консервативны. А нужно искать новые методы обучения.

— Я... — промямлила монахиня, краснея до ушей.

— Вы пойдете в услужение к госпоже Элис Кант, — едко произнес священник. — Будете ее помощницей. Будете учиться обучать детей. Снова.

Монахиня с ненавистью посмотрела на меня.

— Госпожа Кант работает в школе? — неприязненно спросила она.

— Нет. Госпожа Элис Кант собирается открыть свой приют. Детей у нее всего двое. Но, думаю, при ее способностях найдутся многие люди, кто захотел бы отдать ей своих ребятишек на время обучения. Вы будете помогать ей, когда ее заведение будет расширяться.

Он перевел взгляд на меня и кивнул головой.

— Завтра, — веско произнес он, — я велю доставить вам учебники. Учебные пособия. Бумагу, перья, чернила. Все, что вы укажете в заявке сверх того, что положено. И Курт — его я тоже вверяю в ваши руки. Надеюсь, вы сможете на нем проявить свой талант сполна. Ему в конце года держать экзамен. Хотелось бы, чтоб в его голове что-то отложилось. Вашему приюту быть, Элис. Я запишу всех детей, что находятся под вашей опекой.

Глава 4. Новый приют Элис Кант

Мы с Куртом вышли из здания немного оглушённые переменами в нашей жизни. Курт все оглядывался и показывал язык монашкам, провожающим нас взглядами. А потом взял меня за руку для верности. Чтоб я не исчезла и не оставила его тут. Мой странный благодетель нагнал нас уже у подножия лестницы. Лицо его сияло.

— Ну! — воскликнул он. — Признаться, я не ожидал от вас такого таланта! Я-то полагался на свое красноречие. Думал, мне придется давить на его светлость. Но вы!.. Вы совершили невероятное.

— Зачем вам это? — спросила я.

Казалось бы, с чего мне уставать.

Но я была морально истощена. Словно выжата. Эмоционально перегорела за этот час.

Мужчина глянул на меня, и мне почудился в его глазах острый огонек неприязни.

— У меня свои счеты с этими... торговцами детьми, — произнес он удивительно неприятным голосом. — Особенно к этой старухе и ее сынку-директору.

— Так вы не случайно повстречались мне!

Он промолчал.

— Вы за ней следили! Поэтому подслушивали!

— Да, — холодно и отстраненно признался он. — Хорошо, я вам признаюсь. Я хочу х разорить и упечь в тюрьму. А для этого мне нужно, чтобы их грязные делишки стали очевидны всем. Его светлость записал вашего Алана в ваш приют как найденыша на улице. Так оно и было, ведь Гаспар его выгнал, не так ли?

— Так, — подтвердила я.

— Значит, ему придется ответить хотя б за это злодеяние!

В серых глазах мужчины промелькнуло мучительное, болезненное выражение.

Он поднял взгляд к небу и снял цилиндр, словно вспоминая кого-то ушедшего.

— Что он натворил? Что он сделал вам? — тихонько спросила я.

Но он мне не ответил.

— Идите, — тихо проговорил мой благодетель. — Идите скорее домой. Скоро к вам явится комиссия... Сестра Агата очень въедлива. Так что вам лучше подготовиться.

И он, откланявшись, поспешно побрел прочь.

Замечание более чем ценное!

Мы с Куртом со всех ног припустили домой.

А у мен голове все еще царил хаос.

Как такое вообще возможно?!

Вот так запросто приют открыть?! Это чудо, не иначе!

Дома нас ждала напряженная тишина, душное тепло и немного напуганные дети.

— Что случилось? — встревоженно спросила я, раздеваясь у порога и глядя то на Лоранс, то на Алана.

— Я убралась в комнате, — фальшивым веселым голоском произнесла девочка. — Всюду подмела, помыла посуду. И даже постирала наши чулки...

Но отвага ей изменила, и она отступила от меня, дрожащими руками сжимая ручку веника.

Алан тоже смотрел на меня настороженно, колюче, словно и не было оттепели между нами. Словно я по-прежнему ему враг.

У меня просто ноги подкосились.

Я вдруг ощутила как болят побитые старухой ноги, и нервы мои не выдержали.

Я прямо у порога сползла по стене и беззвучно зарыдала, зажимая рот руками.

Почему эти дети, ради которых я так стараюсь, ради которых я хлопочу, ведут себя так враждебно, словно я им зло причинила?!

За что они так сурово меня наказывают своей нелюбовью?!

— Я же для вас все, — рыдала я, глядя на них совершенно беспомощно. — За что вы так ко мне?

— Дураки! — зло выкрикнул Курт, сжимая кулаки.

Он-то готов был за меня и в огонь, и в воду. А я всего-то помогла ему выучить стишок.

Лоранс тоже не вынесла, всхлипнула, и заревела во весь голос.

— Прости, Лотти, прости! — выла она, утирая бледными ручками мокрые щеки. — Мы все съели! Все яйца! Вообще все! Но так хотелось есть...

И из-за этого они смотрят на меня волчатами? Ожидают наказания?

Дау меня просто сердце кровью облилось.

Как можно сердиться на голодных детей за то, что они, добравшись до еды, все съели?!

— Пушок тоже был голоден, — бурчал Алан, немного осмелев. — Мы и его накормили. Я не подпрыгнула, как ведьма на метле, не вцепилась им в волосы, не принялась избивать их.

И мальчишка осмелился подойти ко мне.

— Вот, — вдруг ото всей души произнес он, вытаскивая из-за пазухи яйцо. — Последнее. Я не стал доедать свою порцию. Хочешь, я отдам его тебе? Ты-то тоже наверняка голодна. Ну, не надо плакать!

— И это все? — хлюпая носом и улыбаясь до ушей, прорыдала я. — Вы всего лишь съели яйца? Из-за этого смотрели на меня врагами?

— А ты не сердись? — прошептала Лотти. — Я говорила, я же говорила, что ты тоже голодна. И хотела оставить тебе немного еды, но не смогла...

— Ах, глупые, бедные, голодные дети! — всплеснула я руками, и плача, и смеясь. — Разве можно на такое сердиться! Разумеется, я совсем не зла! Я испугалась, что произошло что-то недоброе! А яйца — это ведь такая мелочь.

— Дураки, — повторил Курт, недобро глядя на детей. — Обжоры!

— Смотрите, что у меня в корзине!

И я им показала и новый котелок, и кусок мяса.

— Мы сейчас сварим хороший, сытный, густой и жирный суп! — как можно веселее произнесла я, поднимаясь. — И накормим всех. И даже Пушка.

— Правда? — недоверчиво, с придыханием, спросил Алан. — Нас? Горячим супом?

В его голосе была такая вера и надежда, что я не выдержала снова.

Порывисто привлекла его к себе и поцеловала в макушку, зарывшись лицо в его волосы.

— Конечно, правда, — тихо пообещала я. — Мы теперь будем жить иначе. Совсем не так, как в старом приюте!

Пушок, унюхав мясо, бегал кругами под ногами, путаясь в юбке, и орал хриплым мявом, заявляя о своем праве первым отведать мяса.

Пришлось отрезать ему кусок. И он впился в еду, пожирая ее с подвыванием и чавканьем.

А я принялась разбирать корзину и мыть мясо для супа.

— А где цепь? — с недоверием произнес Алан, рассматривая котелок, пока я тщательно его мыла и споласкивала кипятком, поливая из чайника.

— На нашем котелке цепи не будет, — твердо ответила я. — Ни цепи, ни замка. Мы будем есть все вместе, в обед, но досыта. Лоранс, а ты что это разгуливаешь? Ну-ка, выпей лекарств и марш в кровать. Давно жара у тебя не было?

— А это еще кто?! И чего он тут делает?

Тут все внимание Алана сосредоточилось на Курте.

Мальчишки были примерно одного возраста, только Алан одет кое-как, а Курт — в шерстяную синюю форму с серебряными пуговицами.

И теперь оба они недоброжелательно поглядывали друг на друга.

— Это Курт. И жить он будет с нами, — ответила я.

— Это с какой такой радости?!

— Тебя не спросили, тонконогий! — бесстрашно и дерзко ответил Курт.

Кажется, необучаемый ученик был еще и не дурак подражаться.

— С такой радости, — как можно тверже и уверенней ответила я, — что теперь мы официально признаны приютом. А я вашей воспитательницей и опекуницей. И я буду воспитывать всех детей, нуждающихся в моей помощи и любви.

Алан мучительно кусал губы.

— Я думал, — глухо произнес он. — Ты только наша!

— Как наша мама, — вторила ему из постели Лоранс.

Мое глупое сердце дрогнуло и разорвалось от боли, густо замешанной на умилении и любви, уже который раз за день.

— Но если у мамы появляются еще дети, — заметила я, — то она не перестает любить старших. Даже наоборот. Они становятся источниками ее гордости. Моей любви и заботы хватит на вас всех!

Но Алан по-прежнему смотрел на Курта враждебно, сжав тонкие губы. Попробуй объясни ревнивому мальчишке, который только-только начал мне доверять, что я его не предаю и не брошу?

— Ничем не лягу с ним спать под одним одеялом! — выпалил он.

Но Курта было не просто прошибить.

— Об этом можешь не переживать, — хохотнул он. — Вот явится сестра Агата, и скажет, что спать всем в одной постели грех. И скоро тут будет четыре отдельных койки. А еще она научит тебя спать на спине, вытянув руки на одеяле вдоль тела. И никак иначе.

— Ну и получит паука себе в шляпу! — агрессивно пообещал Алан.

Курт скорчил уважительную физиономию.

— Неплохо, — произнес он, качая головой. — Очень неплохо!

И он солидно протянул Алану руку, предлагая мировую.

— Никаких пауков! — строго крикнула я. — У нас будет приличный приют! Вы будете не побираться на улице, а учиться писать и читать. Ну, и слушаться взрослых, разумеется!

— Паука все равно посадим, — невозмутимым голосом шепнул Курт.

Только вздохнула тяжело.

Кажется, я намагаюсь с этими мальчишками с характерами.

Но что делать?

**

Когда явилась сестра Агата, мои воспитанники как раз заканчивали обед, дружно стуча ложками в новеньких глиняных мисочках.

Суп удался на славу: жирный, нарядный. Я зажарила морковку и лук на остатках сала, и добавила в бульон. Это придало ему оранжевую окраску.

Картофель я тоже не пожалела, почистила весь.

И мои несчастные воспитанники, наверное, впервые за много дней могли нормально поесть горячего.

Кот Пушок тоже получил свою порцию еды и теперь томно вылизывал оттопыренную лапу, сыто урча.

Его поведение не укрылось от бдительного ока монахини.

Она просто-таки позеленела от отвращения. Не любит котов? Считает их исчадиями ада?

— Животное! — сердито воскликнула монахиня, переведя дух. — В воспитательном доме! Как это возможно!? Немедленно прочь! На помойку!

И она, бросив на пороге мешок, со всех ног рванула к ничего не подозревающему Пушку. Но раньше нее до кота добрался Алан.

Он ухватил зверька в охапку и шмыгнул с ним под кровать.

Так что сестре Агате, не обладающей такой подвижностью, оставалось только встать на карачки и смотреть на беглецов.

Что она и проделала, несмотря на свой почтенный возраст и тучность.

— А ну, вылазь, негодный непослушный мальчишка! — провизжала она, задыхаясь и пытаясь дотянуться до Алана.

Но он забился в самый угол, к стене, и храбро отбивался от нее ногами в новых крепких ботинках.

Так.

Кажется, не воспитанники с характером будут моей главной проблемой.

Нет, не они...

— Ты не получишь Пушка, раскормленная свинья! — орал из-под кровати Алан.

Вот это он зря. Она, кажется, способна припомнить ему это унижение и через год.

— Что!.. — задышающим от ярости голосом сипела монахиня. — Да я тебя розгами!.. Запорю! В угол на целый день!

Какая странная женщина. Не успела переступить порог, а уже командует?!

Еще и имеет наглость запугивать моих учеников!

Ее наглости можно только позавидовать.

— Сестра Агата! — гневно вскричала я. — Потрудитесь встать и прекратите запугивать воспитанника! Фу, стыд какой! Явиться в дом и тотчас устроить драку с мальчишкой! Ползать с угрозами по полу! Вы в своем уме?!

Услышав мой крик, сестра Агата захлопнула рот и живо поднялась на ноги.

Мои слова ее ничуть не напугали. Алана она не сумела покарать. И потому сосредоточила всю свою ярость на мне.

— Что?! — ядовито произнесла она, сверля меня своими недобрыми глазками через стекла круглых очков. — Да как вы смеете! Что вы себе позволяете!

— Этот вопрос себе задайте, — резко перебила ее я. — Вы в моем доме впервые. А ведете себя неподобающе!

— Это не просто ваш дом теперь, — зловеще произнесла монахиня. — Теперь это приют для сирот! Вы обратились за помощью к его светлости, и он внял вашей просьбе! И взял вас под свое крыло! Изъявил милосердие и сострадание! Значит, вы должны отплатить ему смирением и благодарностью! На ваш приют будут распространяться те же правила, что и на прочие заведения, которым покровительствует его светлость! А это означает, что вы должны слушаться меня и подчиняться...

— Я вам пока что ничего не должна, — отрезала я. — И, кажется, вы путаете себя с его светлостью. Он в праве устанавливать правила, но не вы. Я учитель и опекун в этом заведении, а ваше место у плиты и у мойки! Вы мне посланы в помощь, но не как начальник!

— Я имею громадный опыт, — зловеще сообщила мне сестра Агата. — Я знаю, как нужно все организовывать! Его светлость мне доверяет всецело. И я...

— Вы пойдете мыть посуду за детьми, коль уж явились, — резко перебила ее я. — А кот останется. Это мой кот! Мое имущество, если пожелаете. И вы не имеете права им распоряжаться. А я — имею. Дети учатся ответственности и дисциплине, ухаживая за этим животным по очереди. Ясно?

Монахиня смолчала, злобно испепеляя меня взглядом.

Меж тем Лоранс, чтобы как-то сгладить неловкость, подняла оброненный у порога мешок.

— Ваши вещи, — пролепетала девочка.

— Не тронь! Это мое! — рявкнула монахиня.

От испуга Лоранс вздрогнула, мешок вывернулся из ее слабых пальчиков и снова упал на пол.

Из него веселой россыпью покатались... деревянные солдатики, выкрашенные синей и зеленой краской!

— Вы играете в солдатиков на досуге, сестра Агата? — резко спросила я.

И прежде, чем она ответила, я решительно подняла этот мешок и заглянула внутрь.

Разумеется, ничего, принадлежащего ей, там не было.

Там лежали перья в коробочке, бутылка чернил, пачка писчей бумаги, завернутая в упаковочную. Несколько учебников, краски и кисти и — о, какая милота! — большая деревянная коробка с набором прекрасных новых солдатиков в разрисованных мундирах.

На самом дне, в отдельном холщовом мешочке, лежала головка сыра, мешочек с кофейными зернами и каравай хлеба.

Та-ак...

— Ваше? Вы хотели это присвоить, сестра Агата? — спокойно спросила я, показывая ей коробку солдатиков. — Украсть? А мне показалось, что это все нам предназначалось, от его милости. Разве нет?

Монахиня сопела, как раненный носорог, и зло смотрела на меня, крепко сжав тонкие губы.

— Его светлость щедр, — проговорила она. — Но я должна была удостовериться, что вы достойны его милости и его даров. Поэтому...

— Вы берете на себя смелость оспорить решение его светлости? — уточнила я. — Вы решаете, имеет ли он право кого-то одаривать или нет? Однако. И как часто вы отменяете его подарки? Как часто не доносите их до приютов?

Услышав это, сестра Агата изменилась в лице и побледнела.

— Воруете, — повторила я, покачав головой. — Боюсь, мне придется отказаться от вашей помощи.

— Да как вы смеете! — вспыхнула монашка. — Я ворую?! Я пришла сюда с этими продуктами, и я отдала бы их, но...

— Вы обязаны отдать их безо всяких «но»! — повысила я голос.

— Дети должны знать умеренность в еде!

— Это я буду контролировать, кто и сколько съест, — не уступала я. — К тому же, я тоже как будто бы питаюсь от приюта. А я не ребенок. И меня воспитывать и держать в ежовых рукавицах не надо!

Тут монахиня как-то странно на меня посмотрела. И я поняла, что она собиралась вить из меня веревки и вертеть мною, как ей вздумается.

— Нет, сестра Агата, — угадав ее мысли, произнесла я. — Вам это не удастся.

— Нужно быть практически святой, — едко ответила она, — чтобы на вас от меня не поступило ни единой жалобы его светлости! За этим я здесь. Он обязал меня приглядывать за вами, ясно? И вы просто не можете отказаться от моих услуг!

В этот миг нашего разговора я поняла, что нажила себе смертельного врага.

И она будет бегать ябедничать по любому поводу.

— Быть святой... или делиться? — вкрадчиво спросила я.

Почему-то пришел на ум приют папаши Гаспара.

Там я что-то не видела ни одной монахини.

Верно, потому, что он аккуратно выплачивал им их долю.

— Думайте как хотите, — ядовитенько ответила монахиня. — Только о каждом вашем шаге, о каждом сказанном вами слове будет доложено его светлости!

— Как и о вашем, — сладко сказала я. — В эту игру можно ведь играть вдвоем?

Монахиня снова нервно дрогнула.

— Так что спасибо за то, что доставили мне продукты и книги, но сейчас вы можете быть свободны! — сказала я и аккуратно оттеснила монахиню ко входу.

Она только рот открыла от такой наглости.

— Да-да-да, — продолжала я.

— Но ужин!.. — выкрикнула она. — Я рассчитывала на ужин и на чашку кофе!

— Ужин я буду готовить на свои деньги, — неприязненно ответила я. — А мы с вами не так близки и не так дружны, чтобы я вас кормила. Кофе же выпьете завтра с утра. Пару чашек, так и быть.

— Мне что, сегодня ложиться спать голодной?! — взбунтовалась сестра Агата.

Я критически ее оглядела.

— Вам бы не помешало, — заметила я.

— Что?! — вскипела она.

— Говорю — ни за что не поверю, что вы уже истратили все свое жалование и не можете себе позволить куска хлеба купить, — ответила я. — Идите уже.

И я вытолкала ее на лестничную площадку, закрыла за ней дверь и перевела дух.

Курт неодобрительно качал головой и цокал языком.

— Заиметь сестру Агату во враги это очень, очень плохо, — тоном знатока произнес он.

— Да разве же мы враги, — бодро ответила я. — Просто немного поспорили.

Но Курт был неумолим.

— Сестра Агата не любит, когда ей перечат.

— А я не люблю, когда мной командуют. И покончим с этим! Давайте-ка лучше займемся учебниками.

— И солдатиками! — подсказал важно Курт. — Это ведь учебные пособия, верно?

До вечера я перелистывала учебники, а прилежная Лоранс шила новое нижнее белье себе и Алану.

Завтра надо было дать первые уроки, а я и материал-то толком не знала! Да и откуда его знать мне, попаданке, и необразованной Логти?

— С этого дня называйте меня сударыня Кант, — велела я детям. — Элис Кант. И никак иначе.

Алан посмотрел на меня как-то странно, глаза его блеснули.

Он вспомнил что-то из своего прошлого?

Вряд ли...

А может, он сам носит ненастоящее имя?! Вот и щелкнуло в голове, понял, что я от кого-то что-то скрываю, и вспомнил, что сам скрывает...

Та-ак. А ищет-то его кто?!

Если имя ненастоящее?

Слишком много вопросов.

И ответов нет!

Поутру спохватилась, что кончается хворост и немного угля, что я перехватила по случаю у доброго аптекаря.

На утро протопить печку хватило, но к обеду тепло, конечно, выдует из комнаты.

А в холодном помещении разве учеба?!

Да еще и темно с утра было. Надо бы раздобыть свечей, чтоб вечером дети могли учить уроки.

Я поспешно оделась, решив, что надо сходить на рынок за углем, пока не явилась сестра Агата и не сунула всюду свой длинный нос.

Курт вызвался идти со мной.

Лоранс тоже хотела, но она была слишком слаба. Ее я оставила дошивать рубашки при свете огня в печи.

— Можешь сшить совсем маленькую куклу? — спросила я у нее. — Нам сегодня понадобится королева, а одевать бравых солдат в юбки не хотелось бы.

Лоранс просияла.

— Конечно, — радостно ответила она.

— Вот и чудесно. Значит, ты роль королевы и будешь исполнять, — сказала я. — Сегодня у нас урок истории.

А Алана я оставила дома из предосторожности.

— Сторожи своего Пушка, чтоб Агата не похитила и не выкинула его прочь, — велела я. — И сидите оба тихо-тихо, как мышки! Особенно если услышите, что за дверью кто-то ходит.

Мало ли, кто подстерегает его на улице...

— Закройтесь на ключ и никому не отпирайте, — велела я им. — Только мне.

— А если явится монашка? — поморщил нос Алан.

— А она обязательно явится, — встрял всезнайка Курт.

— Значит, пусть ждет, — отрезала я. — Нечего ей делать тут без меня. Я хозяйка этого жилья. И я решаю, кто и когда переступит порог этого дома.

Дав ценные наставления, мы с Куртом отправились за углем.

На улице было все так же сыро, промозгло и холодно.

Свечи были в одной лавке, а к угольщику пришлось идти чуть не через всю базарную площадь.

И, конечно, мы не могли не напороться на воспитанников Гаспара, моего дражайшего муженька.

Увидев этих золотоволосых ангелочков, я невольно попятилась.

Раньше мне б и в голову не пришло их бояться.

В приюте я смотрела на них как на детей. Гадких, злых, но детей. Им всего-то по десять лет!

Теперь я видела перед собой двоих закоренелых преступников.

Двоих карманников, воров, которые не погнушаются и забить свою жертву палками.

И этой жертвой была я.

Одеты они были из рук вон плохо. Точнее, так казалось.

Но их куртки, грязные и тертые, были целыми и крепкими.

Башмаки, словно посеревшие от дождя и грязи, подбиты железом. И шарфы связаны из настоящей шерсти.

Не удивлюсь, если их одежду старуха нарочно пачкала, сидя у огонька и посасывая трубочку. Чтобы несчастные детишки казались оборванцами.

И вызывали больше жалости.

А значит, и зарабатывали больше.

Таблички с надписью «приютские», болтающиеся на их шеях, должны были вызвать еще больше сочувствия к их сиротской доле.

— Ба, какая встреча! — хохотнул один мальчишка, вразвалочку направляясь ко мне. — Папаша Гаспар говорил, что она обязательно тут появится. Жрать-то ей что-то надо.

Я беспомощно оглянулась. Ни единого полицейского поблизости!

Впрочем, эти засранцы умеют ловко удирать от блюстителей порядка. И знают все лазейки, по которым можно уйти...

— А это что за хорек? — неуважительно спросил второй «ангелочек», смачно сплюнув в лужу и рассматривая Курта. — Вырядился-то как... Словно оловянный болванчик! Только это не Алан. Ты куда его дела? Папаша Гаспар страсть как по нему соскучился.

И оба малолетних мерзавца зашлись в сатанинском хохоте.

— Алана больше нет с нами, — резко ответила я, отступая от них и пряча за собой ничего не понимающего Курта.

Но мальчишек так просто не проведешь.

— С чего вдруг он преставился бы, этот черт? — сузив глаза, спросил один мальчишка. — Да он всех нас переживет. Куда ты дела его? Где оставила? Где спрятала? Скажи сама. А то мы кармашки-то твои обыщем, найдем ключик, а по нему и комнатку...

У меня мороз по коже пробежал от той циничной и грязной злости, что сквозила в детском голосе.

Достойный воспитанник папаши Гаспара...

— Трупоеды, — почему-то рявкнул из-за моей спины Курт. — Крысы помойные! Пошли вон, не то головы расшибу!

— Ах ты, приютская чурка! — озлились мальчишки.

То, что Курт приютский, они поняли по его униформе.

Дети из приличных приютов обычно носили такую. Это верно.

Но дело оборачивалось из рук вон плохо.

Курт, вооружившись камнями, начал с невероятной точностью начал швырять их в «ангелочков» папаши Гаспара.

Те не остались в долгу и тоже открыли огонь по моему защитнику.

Один из мальчишек оглушительно свистнул, и из холодного густого тумана вынырнул знакомый силуэт.

— Ах, вот она! — вскричал Гаспар, на ходу срывая шляпу с напояженных кудрей и кланяясь слишком театрально, чтоб поклон можно было принят за настоящий. — Добрый день, женушка! Как дела? Не хочешь ли вернуть мне похищенных детей?

Глава 5. Обсидиановое зеркало

— Похищенных?! — окрысилась я. — А не выкинутых на помойку?!
Гаспар захохотал каким-то тяжелым, жирным смехом.
Заколыхался весь, придерживая руками пузо. Словно оно вот-вот лопнет от смеха.
— Кто же тебе поверит, побирушке-нищенке, — снисходительно произнес он, отсмеявшись. — Нищие часто воруют детей. Чтоб продать или чтобы заставить их работать на себя.
— Я не такая, ты же знаешь!..
— Другие не знают. И они легко поверят мне, если я скажу, что сегодня видел его тут, на угольном складе, работающим на тебя.
— Так ты еще не подал заявление в полицию? — быстро спросила я.
— Еще нет... видишь, какой я великодушный? Даю тебе последний шанс все исправить. Верни мне мальчишку, и разойдемся по-хорошему. Даю слово: я даже искать тебя не буду.
— Она сказала, черт помер, — встрял один из «ангелочков».
Да почему черт?!
Не чертенок, не засранец, не как иначе — а черт?
Почему-то мне стало жутковато от этого прозвища Алана.
За что они его так называют? Должна же быть причина?
Что за тайна и сила скрывается в теле маленького мальчика?..
— Вранье, — беспечно ответил Гаспар. — Такие не умирают. Даже если ему голову отсечь, нельзя быть полностью уверенным...
Тут Гаспар прикусил язык, сообразив, что сболтнул лишнего.
— Верни мальчишку! — рыкнул он, угрожающе шагнув ко мне.
Я еле сдерживала злорадство.
— Ты опоздал со своими угрозами, — хохотнула я, отступая, однако, от него и от его малолетних негодяев. — У меня теперь свой приют. И Алан приписан к нему как найденный на улице позавчера! Так что к тебе будут бо-о-ольшие вопросы, если ты раскроешь свой рот!
— Ах ты, пигалица...
Гаспар бросился на меня, подобно лесному вепрю.
С рычанием, с сопением и фырканием.
Его подлая свита активизировалась.
Мальчишки снова похватили камни и целый град обрушился на смелого Курта.
Впрочем, тот в долгу не остался.
Конечно, ему попало.
Но и «ангелочки» были выведены из строя, получив по каменюке под глаз.
— Мама, мама! — тотчас же завыл тот, что был понаглее, закрывая руками скулу, на которой расцветал свежий синяк.
— Еще желаем, барышни? — задиристо спросил побитый, взъерошенный, но непобежденный Курт, подкидывая что-то увесистое на руке. — Пироженку?
И он ловко метнул свой камень во второго, более крепкого и терпеливого «ангелочка», попав ему точно в загривок.
Тот тоже разрыдался, натирая кулаками свои голубые глаза.
Но мне было не до победы Курта.
Потому что Гаспар до меня добрался и вцепился мне мертвой хваткой в горло.
— Я сейчас тебе шею сверну, — задыхаясь от злости хрипел он. — И твои детки будут мои детки! Аферистка...
Я нагсадно кашляла, изо всех сил стараясь расцепить его железные пальцы, а он все тряс и тряс меня.

В голове пронеслась нелепая мысль о том, что Курт спасет всех, запертых в комнате, и помирать мне, в общем-то, можно.

Хотя я в этом мире даже осмотреться толком не успела.

И тут вдруг Гаспар взвизгнул высоким голосом. Он покраснел, как помидор, и отдернул свои руки от моего горла.

Но только затем, чтоб схватиться за зад и заскакать, как молодой козлик.

С воем и скулежом.

Вж-ж-жух!

Рассеченный воздух свистнул, и Гаспар заголосил еще громче.

А между мной и им встал мой спаситель.

Благородный, загадочный и дерзкий, как Зорро!

И в руке его была трость с удобным серебряным набалдашником!

Кажется, этой тростью он со всей щедростью и угостил Гаспара.

— Вы не очень-то учтивы по отношению к даме! — произнес он напыщенным тоном. И ткнул в сторону скачущего от боли Гаспара своей палкой. — Я вас научу, как следует себя вести!

Гаспар охал и бегал по кругу, прихрамывая и скуля.

Кажется, боль была такой сильной, что он обмочился.

Его прихвостни, подлые и трусливые мальчишки, ныли, распустив сопли пузырями.

Мне их стало даже жаль.

А вот Курту нет.

Пользуясь передышкой и подкреплением, он принялся подбирать с земли камни и рассовывать их по карманам. Впрок.

— Да что вы лезете, сударь! — провизжал Гаспар, встряхивая побитой ляжкой и постанывая. — Это дело семейное, вас оно не касается!

— Никакое не семейное! — взвилась я.

Припомнилось мне мое бутафорское имя.

Ух, если вскроется правда с подлогом документов!..

Так что я тотчас прекратила трястись от страха и переключилась в режим «врать до конца».

— Этот негодяй похищает детей из приютов! — верещала я. — Хотел меня удавить, детей украсть!

Гаспар в лице поменялся.

— Да что ты несешь, сучка! Лотти! — прокричал он. — Кого вы слушаете, это моя жена, Шарлотта! Удрала из дому, сманила за собой ребятишек из моего приюта! Они теперь скитаются, холодные, голодные, больные! Я всего-то хотел вернуть их обратно! Я же им как отец родной, дурного не посоветую и не пожелаю! А она их растлевет и заставляет воровать!

— Ее зовут Элис Кант, — зловеще, как привидение, произнес Курт. — Сударыня Кант. И она наша учительница! Можете спросить у его светлости, Рамзи де Моро. Он вам скажет, кто есть кто!

Необучаемый Курт, говорите?

А по-моему, мальчишка все схватывает на лету!

— Как нехорошо врать! — зацокал языком мой спаситель. — Герцог Рамзи де Моро не та фигура, о которой знает любой приютский мальчишка. А ну, шаг назад, господин мошенник! Не то обмочите и вторую штанину!

И он бесцеремонно ткнул в мокрые штаны Гаспара.

Тот раскалился докрасна от ярости.

— Послушай-ка, ты, молодой щеголь! — просипел он высоким голосом. Нервный спазм сковал его горло. — Увидел смазливую мордашку и кинулся на выручку?! Да эта лживая тварь тебя вокруг пальца обведет вместе с этими ублюдками...

— Сразу видно человека, любящего детей, — весело ответил мой спаситель. — Вот это слова благородного мужа!

— Думай, что хочешь, молокосос, — рявкнул Гаспар. — А только девка пойдет со мной! У меня хватит порошу взять твою палку и затолкать ее тебе...

Гаспар угрожающе шагнул на моего спасителя.

Огромный, темный, страшный.

— Думаешь, я тросточки испугаюсь?

— А так?

Раздался нежный шелест стали.

И незнакомец вдруг оказался не с тростью в руке, а со шпагой.

Оружие было упрятано в трость.

И было оно остро.

Гаспар, шагнув к незнакомцу слишком быстро, напоролся на острие шпаги, и она легко проколола и его одежду, и жир на его животе.

Гаспар испуганно вскрикнул, спрыгнул со шпаги и зажал кровоточащую рану на животе.

Боль пришла не сразу.

А когда пришла, лицо его исказилось такой гримасой, словно он обожрался бобов, и его вот-вот разорвет от газов.

— Больно? — вежливо осведомился спаситель. — А может быть еще больнее. Впрочем, нет. Если уколоть точно в сердце, то больно не будет.

— Мерзавец, — всхлипнул Гаспар.

— Пошел вон, ублюдок, — сменив вежливый приветливый тон на холодный, рявкнул мой спаситель. — Или я тебе яйца отсеку.

И Гаспар, стenea и скулa, как неприкаянное привидение, исчез в тумане, держась за раненный живот.

Как будто оттуда вот-вот кишки посыплются!

Когда его фигура исчезла в тумане, мой спаситель резво развернулся ко мне, галантным жестом снял шляпу и не менее галантно припал к ручке, словно я была придворной дамой, а он — графом, спасшим мне честь.

— Милая Элис, — произнес он, осторожно коснувшись моих холодных пальцев губами. — Позвольте представиться: Леонардо де Заприо. Для вас просто Лео!

— Да что вы говорите, — только и смогла вымолвить я.

Несмотря на явно забавное имя, мой новый знакомый был чудо как хорош!

Темные выразительные глаза, длинные темные волосы — чуть волнистые, выглядящие так, словно молодой человек уложил их несколько минут назад.

И обворожительная, ослепительная улыбка!

Лео был так ярок, словно сапфир в окружении бриллиантов.

Признаюсь, у меня даже голова закружилась от смущения.

Он держал меня за руку. Он целовал мои пальцы. Он смотрел на меня так, что в груди становилось слишком горячо и слишком тесно для сердца.

— Он не навредил вам, милая? Как вы себя чувствуете?

В голове моей пели птички и цвела весна.

Такой интересный молодой человек обратил на меня внимание...

Он такой галантный и внимательный...

Одет он был в черный плащ, в муаровый черный жилет поверх белоснежной сорочки, в обычные брюки и в остроносые туфли.

Но воображение мне рисовало романтического героя, странника, принца дорог и странствий.

Романтический ореол этого персонажа определенно вскружил мне голову.

— А-а-а... — пробормотала я, хлопая глазами.

Леонардо смотрел на меня, как мальчишка на стаканчик мороженого.

Жадно, остро. Его темные глаза в черной оправе ресниц так и сверкали.

И я могла поклясться, что ничего красивее я не видела ни в той, ни в этой жизни!

Так и пожирал меня взглядом, развратник...

А как улыбался!

Готова поклясться, от этой улыбки немало дев выпрыгнули из панталон.

Я тоже готова была уже рвануть корсет на груди.

Но тут из тумана осторожно шагая по мостовой, словно та была уложена сырыми яйцами, появилось еще одно действующее лицо.

— Лео, как не стыдно, — проговорила из тумана девушка, сжимая ручку зонтика. — Перестань морочить голову этой женщине. Не то она подумает, что ты за ней приударяешь. Зачем бедняжке давать бесплотные надежды?! Можно же обойтись спасением без заигрываний! О, я вас умоляю, сударыня. Простите его! Он обычно заигрывается и начинает сыпать комплиментами кому попало. И старушкам, и продавщицам в лавках...

От этих высокомерных слов, сказанных с небрежной ленцой, у меня словно бомба в голове разорвалась!

Эта девица что, меня к старушкам приравняла?!

Она считает, что я недостойна комплиментов?!

Хотя, конечно, наверное, да...

Глядя на свою счастливую соперницу, я согласилась с тем, что я в сравнении с ней и не девушка как будто...

У нее было просто необычайное лицо.

Словно у фарфоровой куклы.

Со светящейся нежной полупрозрачной кожей.

С розовыми губками и с бровями-ниточками на гладком прекрасном лбу.

С черными локонами вдоль розовых щечек, оттеняющими белизну и нежность кожи.

Это была самая изысканная и самая красивая девушка, какую можно вообразить в этот час туманного утра!

И одета нечета мне.

А я...

Впервые с момента попаданства мне вдруг стало оглушительно, обжигающе стыдно за свой вид!

Господи, на что я похожа!

На пыльный мешок картошки, который выволокли из погреба на свет божий!

Невнятного цвета платье, серая, как куча пыли, шаль!

Чулки чиненные и невероятно толстые. В них мои ноги похожи на ноги разжиревшей коровы! А иначе я б замерзла насмерть!

Ни ленточки, ни кружева, ни яркой пугови. Ни одного яркого и интересного пятна в моем образе.

Я была серая и невзрачная, словно... копна подгнившей соломы.

Хорошо хоть волосы опрятно расчесаны и уложены в косы. А то было бы совершеннейшее фиаско!

О, ужас...

В таком виде заигрывать с мужчиной уж точно не годилось.

И девица под кружевным зонтиком это понимала.

Понимала, что я ей и в подметки не гожусь.

Смазливая мордашка?

Хм, достаточно только жениху указать на мои башмаки, которые были ну точь-в-точь разбитые деревянные сабо. В них только навоз топтать. Фу.

А сама она знатно расфуфырилась. Кружева и ленты, атлас и шелк.

Зонтик, опять же...

Зонтик ей зачем в это бессолнечное утро?!

Полагаю, чтоб капли оседающего тумана на капали на ее фарфоровое лицо!

Наштукатурила, небось. Отполировала, зашкурила до блеска...

— Лео, так нельзя! — грустно пожурела она моего спасителя, тиская ручку зонтика ручками в кружевных перчаточках. — Девушка может подумать, что ты всерьез. Нельзя так играть с девичьими сердцами!

Играет, как хочет! Тебе-то чего?!

Но Лео вдруг сник, согласно кивнул и приобнял девушку за плечи.

— Думаю, ты права, Мэл, — ответил он. Улыбка исчезла с его лица, погасла в глазах. — Извините меня, сударыня. Я заигрался. Позвольте мне вам представить мою невесту, Мэлисандею!

Какое отвратительное имя.

Как у паучихи с огромной черной волосатой жопой, связавшей жертву по рукам и ногам!

У Мэлисандеи физиономия как будто стала в два раза шире, чем была, от нескрываемо довольной улыбки.

— У нее тоже может быть жених, — шептала она Леонардо на ухо слишком громким шепотом. — И ему, конечно, может не понравиться, что его невесте оказывают знаки внимания. Не все же они одинокие...

Они — это кто?!

Нищие драные уродины типа меня?!

— О, конечно, не все! — вскричала я, приходя в себя после колдовского воздействия улыбки Лео на меня. — Я, например, очень неодинокая! Да что там — у меня муж и пара ухажеров, вот Курт, а второй Алан!

Курт внимательно посмотрел на меня и многозначительно засопел.

— Простите, — проговорил Леонардо очень серьезно. Взгляд его черных глаз так и прожигал меня насквозь. — Это было бестактно...

— Да что вы, в самый раз! — усмехнулась я, смерив взглядом его паучиху.

— Извините, — пропищала Мэлисандея, делая несчастную-пренесчастную мордашку. — Я не хотела вас обидеть... Просто Лео — он бывает...

— Просто Лео иногда нравится другим девушкам, — зло и весело перебила ее я. — И другие девушки иногда нравятся Лео. Вот вы и стережете его, чтоб не сбежал. Я все понимаю. И не претендую.

Мэлисандея нахмурилась, обиженно надула губы.

А я, поклонившись насколько мне позволяли мои разбитые деревянные башмаки, сладенько улыбнулась Лео и произнесла:

— Благодарю за чудесное спасение, господин де Заприо! Я буду помнить этот чудный миг до конца своей жизни! Я вам обязана теперь своей жизнью! И если вдруг выпадет такой шанс — что ж, с удовольствием уступлю вам свое место на двери! Теперь это мой долг, разумеется.

— Что?! — потрясенный той чушью, что я несла, спросил Леонардо.

— Ничего, — огрызнулась я. — Курт, бери корзинку с углем. Мы идем домой!

— Боже, что я несла...

Мне было нестерпимо стыдно.

Но я успокаивала себя тем, что во-первых, мои странные слова про двери спишут на шок, а во-вторых, я скорее всего никогда больше не увижу этого Лео.

Ни-ког-да.

Да и что мне он?

Ну, обычный смазливый франт.

Мальчишка, заигравшийся в рыцарей. Богатенький, гладенький, молодой.

Слишком хорошо одетый, чтоб я поверила, что он побывал в серьезных переделках.

Слишком красивый и гладкий, чтоб я подумала, что жизнь его потрепала, и он помогает бедным из-за того, что сердце его разбито и склеено заново.

Спаситель, блин!

Да у него щеки румянее моих!

И на руках, наверное, маникюр!

И волосы уложены красивыми блестящими волнами...

И вообще...

Я тряхнула головой, прогоняя назойливые мысли о Леонардо.

— Прекратить этот позор! — зло шипела я на саму себя. — Хотя бы перед самой собой! Скорее бежать домой! Там тепло, там дети... там занятия, в конце-то концов!

С трудом я переключила свои мысли на уроки. Да, у нас урок истории впереди, и игра в солдатиков, которые штурмом должны брать крепость.

— А как дверь может спасти чью-то жизнь? — вдруг спросил Курт, когда я почти успокоилась.

Я снова удушливо покраснела и опустила лицо ниже, чтоб мальчишка не заметил этого.

— Смотря где эта дверь находится, Курт, — ответила я. — Смотря где. И смотря как ее применить!

Дома — вот чудо! — нас ожидал приятный сюрприз.

Сестра Агата не явилась к началу занятий. А вот наш добрый покровитель-юрист да.

Детям он принес сладостей, а мне прекрасного чая в жестяной нарядной коробке.

Пока я разводила огонь в погасшей печи и грела воду, чтоб заварить чай, он с удовольствием возился с мальчишками и слушал нехитрые новости Лоранс о том, как она лечится и как ведет наше небольшое хозяйство в мое отсутствие.

И пришел он с очень важными вестями.

— Я навел справки, — произнес он тихо, чтоб не услышали дети. Я налила ему чаю, и сахаром поделилась с ним щедро. Лоранс придвинула его деревянное кресло-качалку к огню, и мы с ним уселись поговорить.

— Тот человек, что ищет Алана — он никакой ему не родственник, — пригубив чай, произнес он.

— Вот как? — удивилась я.

— У этого человека вообще родных нет, и уж давно. Так что Алан ему не сын и не племянник, — мужчина многозначительно глянул на меня.

— Зачем чужому человеку разыскивать чужого ребенка?

— Уж не для чего-то хорошего, — уверил меня мужчина. — Так что будьте осторожны!

Что ж, кто предупрежден, тот вооружен.

Проводив своего доброжелателя, я усадила детей завтракать.

Остатки вчерашней похлебки прекрасно дополнили куски хлеба с сыром.

Как славно, что я отняла их вчера у сестры Агаты!

Завершили мы завтрак свежемолотым кофе со сладостями, которые принес наш добрый покровитель.

И от этого нехитрого, но такого лакомого дополнения к еде у детей щеки покраснелись. Когда они вообще ели сладкое? В прошлой жизни?

После я напоила Лоранс лекарствами. Она уже была почти здорова, но лечение останавливать нельзя!

Перемыла и убрала посуду. Курт с Аланом принесли мне и нагрели воды, а Лоранс подмела полы и расставила мытые чашки на полке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.